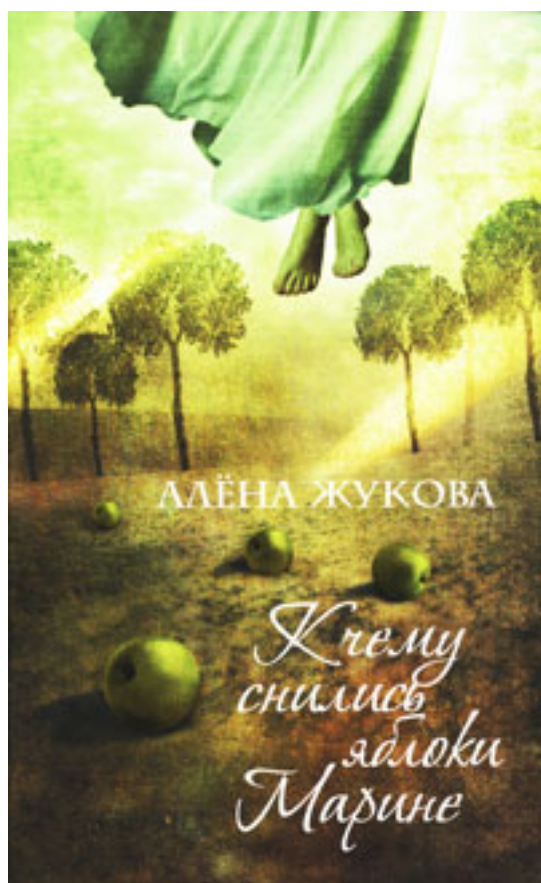

АЛЁНА ЖУКОВА

К чему
снились
яблоки
Марине

Алёна Григорьевна Жукова

К чему снились яблоки Марине

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=442895

К чему снились яблоки Марине: Эксмо; М.; 2010

ISBN 978-5-699-45038-1

Аннотация

Книга талантливой писательницы Алёны Жуковой – это праздник для всех любителей качественной и одновременно увлекательной литературы.

Сюжеты рассказов, вошедших в книгу, балансируют на грани реальности и сказки: волшебные ножницы в руках женщины-парикмахера вдруг меняют судьбы людей, ангелы-хранители спускаются на крыши земных домов, чтобы защитить своих подопечных, а разработчик компьютерной игры оказывается лицом к лицу с виртуальной героиней этой игры...

Неординарный литературный талант Алёны Жуковой вызывает давно забытое ощущение волшебства – когда читаешь книгу и кажется, что мир становится пусть немного, но лучше. Тексты Алёны Жуковой получили высокую оценку многих коллег по творчеству, среди которых первая – Людмила Улицкая!

Содержание

Сказки	4
Страшная Маша	4
Они спустились к Рождеству	15
Два кольца, два конца...	21
Диван	26
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Алёна Жукова

К чему снились яблоки Марине

Сказки

Страшная Маша

Ее никто не любил, кроме, конечно, мамы и бабушки, а что им оставалось делать – такая уродилась, а вот папа не выдержал, сбежал. Мама говорила, что ни один мужик с таким чудовищем в одном доме находиться не сможет.

– Вся в деда своего ненормального, – бурчала бабушка, – крикливый был, вредный. Хорошо, что помер при социализме, царство ему небесное, а то сегодня бы по митингам бегал, с коммунистами затрапезными глотку бы драл. А тебе чего орать? – спрашивала она, переворачивая с животика на спинку шумную черноглазую девочку. – В тепле, в сухости, накормленная, умытая. Ну чего плакать-то?

По поводу сбежавшего зятя у бабушки тоже была своя версия, которую она громко излагала в ежедневных перепалках с дочкой. Машку, внучку, она в крайние не записывала, но при этом странным образом все же числила ее одним из факторов развода. Вот, если бы ребеночка не нагуляли – свадьбу бы не сыграли. Значит, все-таки виновата Маша – не собирайся она появиться на свет, может, ее мама Наташа и папа Саша, нагулявшись вдоволь по студенческим пирушкам, накувыркавшись в постели и натанцевавшись в клубах, спокойно расстались бы, не отягощенные неудачным семейным и родительским опытом. Наташа могла бы продолжать ежегодно поступать в Театральный институт, в надежде бросить свой надоевший Технологический, а Саша мог бы всерьез задуматься о большой науке и как минимум сдать кандидатские. С рождением Машки их беспечность в отношении дня сегодняшнего и энтузиазм по поводу дня завтрашнего немного поубавились.

Наташа и прежде не умела подолгу находиться в доме. Всегда ходила по квартире, как неприкаянная. Насиженным местом был диван с тумбочкой для телефона. На ней, кроме нагретой ухом трубки, валялись огрызки яблок, косметика и сигареты. Еще таким местом была ванная, где она могла часами отмокать, умудряясь листать конспекты и что-то жевать. Саша, наоборот, поселившись у них, сразу наполнил собой тесное пространство двухкомнатной квартиры. Он был домосед, а Наташку отпускал на все четыре стороны: куда она денется на шестом месяце, с животом, торчащим на щуплом теле, как футбольный мяч? Но когда Маша вылезла из Наташи и заголосила, то всем вокруг захотелось выйти из дому по неотложным делам. Наташа перешла на вечерний и стала лучшая на курсе по посещаемости. Саша ночами просиживал в лаборатории, а бабушка Вера заявила, что им в няньки не нанималась и у нее есть своя личная жизнь. Все вокруг ругались, ссорились, а Машка дрыгала ногами, пускала слюни и редела. А как она еще могла выразить свое возмущение – никто не желал с ней возиться. Всем и всегда хотелось видеть ее только спящей. И говорили они одно и то же: «Ну, просто ангел, когда спит зубами к стенке!»

После того как мама с папой доругались на почве распределения родительских обязанностей до развода, бабушка Вера отменила свою личную жизнь и взялась за внучку, но было уже поздно. Маше исполнилось три, но толком она ничего не говорила, только мотала головой, как ослик, мычала и ныла. Успокаивалась, когда надевали ей на голову наушники и ставили аудиосказку или просто музыку.

Врачи забили тревогу давно. Еще на первой неделе жизни патронажная сестра, ощупав младенца, заявила, что у ребенка слабый тургор, бледность тканей и нечетко выражен хватательный рефлекс. Нет ли в роду шизофреников? Бабушка Вера многозначительно усмехнулась и посмотрела на зятя. Это не осталось незамеченным, и, как только медсестра ушла, начался скандал. Все громко и долго ругались, а Маша старалась их перекрыть. Через два года районный педиатр нашел у девочки все признаки запущенного рахита и послал к невропатологу. Возмущенный таким диагнозом невропатолог назвал самого педиатра рахитом и послал на энцефалограмму. Машу так и сжак вертели, просвечивали, прощупывали, простукивали, но безрезультатно. Все было в норме, а девочка не бегала, не прыгала, ходила медленно и часто, замирая, останавливалась, словно прислушиваясь к чему-то внутри себя. Если кто-то пытался вывести ее из этого ступора, начинала орать. Очень неприятно было смотреть, как ребенок сидит часами, уставившись в одну точку, по-старушечьи мусоля в руках кончик какой-нибудь тряпочки, все равно, платяца или скатерти, и беззвучно шевелит губами. В детский сад Машу приводили всегда зареванную, задыхающуюся от страха. Заведующая садиком заканчивала педагогический и поначалу заинтересовалась Машенькой. Но, испробовав все перечисленные в учебнике методики и не добившись ничего, кроме глухого молчания, к девочке охладела. А после одной неприятной истории посоветовала перевести ее в любое другое, а лучше специализированное детское учреждение, как несовместимую с нормальными детьми. Дело было в том, что Маша, обычно не говорящая ни слова, обозвала воспитательницу сухой и прокусила до крови руку. Случилось это в середине лета.

Старшая группа вышла на прогулку. Жара расплавила асфальт, высушила траву. В сквере, где обычно выгуливали детсадовских, достраивали к уже существующему ряду торговых ларьков новые будки. Горячий воздух был пропитан запахами стройки, но самый ядовитый шел от большущей бочки зеленой краски, которая стояла у дерева. Ни пыль, ни вонь не могли повлиять на решение воспитательницы перейти в другую часть сквера – она пришла сюда на встречу с любимым. Его звали Маратик, и был он прорабом на строительстве данного объекта. Познакомились неделю назад, когда материалы завезли, а потом, как только поставили строительный вагончик, сошлись ближе некуда. Восточная любвеобильность замученного семейной жизнью прораба и молодая похотливость одинокой Таньки творили чудеса. Роскошество бело-розового суфле Танькиных ляжек потрясло воображение сидящего ловеласа. Ему нравилось тихонько подкрадываться к Татьяне Олеговне и, прикладывая палец к губам, чтобы детишки не выдали, щипать ее за попу. Она вскрикивала, дети покатывались со смеху. Марат им нравился. Он угощал конфетами и уводил воспитательницу ненадолго в вагончик. Таня, выставив лицо в окно, а другую, противоположную часть тела под страстный и жесткий напор джигита, внимательно наблюдала за детьми. И случись что или даже не случись, а возникни опасная ситуация, Таня, натянув трусы, через секунду была бы возле детей. Упрекнуть ее в безответственности никто бы не смог. Но Таня на этот раз не рассчитала. Когда, закатив глаза на подходе к оргазму, она потеряла из виду небольшую группу детей, как раз и произошла эта неприятность. Дети зашвырнули воланчик на дерево, под которым стояла бочка с краской. Никто не решался его достать, хотя висел он низко, если встать на бочку, легко рукой дотянешься, но Татьяна Олеговна запретила туда подходить. Решили сбить его палкой, не получилось, тогда Маша, которая всегда была в стороне от коллектива, вдруг подошла вплотную к бочке и легко на нее взобралась. Крышка под ногой, обутой в коричневый сандалик, пошатнулась и съехала в сторону. Маша потеряла равновесие и провалилась внутрь бочки. Ей повезло, что краски там было на треть, но и того хватило, чтобы покрыть девочку почти по грудь. Дети закричали, а Таня вылетела из вагончика, не успев получить того, за чем туда ходила. Марат очумел от молниеносного исчезновения женщины, которая секунду назад так удобно притерлась и вдруг соскочила, оставив

торчать в пустоте его распаленный отросток. Он раздумывал, стоит ли ждать Татьяну, но, выглянув в окно, быстро затолкал его в штаны и бросился на помощь.

Таня приказала всем детям сесть на корточки и не вставать. Она наклонилась над бочкой и заорала на Машу так, что с соседних деревьев слетели воробьи. Маша закрыла глаза, чтобы не видеть перекошенное злобой лицо воспитательницы.

– Тебе кто разрешил сюда подходить! Ты что, русского языка не понимаешь! Теперь будешь сидеть тут до ужина, пока родители за тобой не придут. Ты хоть понимаешь, во что ты превратилась, тебя же теперь не отмыть! Господи, что за наказание! Не ребенок, а черт какой-то.

Марат подошел сзади, легко потерялся о Танькино бедро, но, когда увидел несчастного ребенка на дне бочки, тихо присвистнул:

– Надо вынимать.

– Пусть посидит, подумает о своем поведении, – строго ответила Татьяна.

– Краска плохая, дешевая, ядовитая сильно. Нельзя девочке так сидеть, плохо будет.

– Ну, куда ты полезешь, Маратик, испачкаешься. Мы домой ей позвоним, пусть мама полюбуется.

– Слушай, зачем говоришь так? Пока ее мама доедет, девочка заболеть может. Отойди, сам выну.

Марат сбросил с плеч рубашку, обнажив седеющую мохнатость груди, и, подхватив Машу под мышки, выдернул на поверхность. Один сандалик утонул в ядовитой жиже, но это было малозаметно, поскольку теперь казалось, что Маша одета в сплошной зеленый комбинезон, заканчивающийся чуть повыше пояса.

Весь путь назад к детскому саду Маша шла в конце строя одна. Дети поглядывали на нее и хихикали. Прохожие на улице с любопытством озирались.

Пока дозванивались маме, Машу пытались оттереть и отмыть. Это получалось плохо, краска действительно была ядовитой. Татьяна Олеговна вошла в медкабинет, где нянечка Шура и медсестра Тоня спасали девочку. Когда на детском теле, наконец, остался только как будто въевшийся под кожу зеленый замысловатый узор, Татьяна увела Машу. Она хотела провести перед старшей группой показательное наказание девочки, осмелившейся нарушить запрет, и наглядно продемонстрировать детям, к чему это может привести.

Дети уселись на низкие лавки, расставленные в зале напротив маленькой сцены, где проходили обычно утренники и родительские собрания. Татьяна Олеговна вышла вперед, а Маша осталась стоять у задника с плохо нарисованными небом и радугой. Она была закутана в простыню. Снизу торчали худенькие, зелененькие ножки, а вот глаза, щеки и уши, наоборот, налились малиновой краской. Маша дрожала, как продрогший щенок, и теребила край простынки.

Татьяна Олеговна спросила детей, помнят ли они, что она говорила перед прогулкой. Они помнили и хором ответили, что нельзя подходить к бочке, вагончику, мешкам с цементом, стеклам, мусору, а можно только играть с песком.

Она довольно кивнула и показала на Машу.

– А что сделала эта девочка?

Дети наперебой выкрикивали: «Залезла на бочку», «Запачкалась», «Не послушалась».

Воспитательница легонько подтолкнула Машу к авансцене и потянула простыню.

Маша попыталась вцепиться, но край соскочил, и все дети увидели голенькое девчачье тело, окраской напоминающее рептилию. Маша удержала кончик белой материи ниже пупка. Татьяна Олеговна с силой дернула, но девочкины пальцы не разжались, тогда она

схватила ее за руку и начала отгибать согнутые пальцы, и тут Маша очень громко и отчетливо сказала: «Сука, – и добавила: – Убери руки». Татьяна Олеговна охнула, но простыню не выпустила. Маша наклонилась и впилась зубами в белую, тошнотворно пахнущую земляничным мылом руку воспитательницы.

Потом дети еще долго вспоминали в деталях, как все происходило. Как дурным голосом орала Татьяна, как Машка не разжимала челюстей, пока из-под зубов не выступила кровь, как прибежал весь персонал, чтобы оттащить Машку. Некоторые дети потом рассказывали своим папам и мамам страшную историю, как однажды их девочка подралась с воспитательницей, укусила и сказала, что ее съедят волки. И самое страшное, что это произошло. Татьяну Олеговну действительно изуродовали, правда, не волки, а одичавшая стая собак, не съели, конечно, но откусили нос и ухо, выдрали куски тела на поясище, груди и ногах. Она потом скончалась в больнице от кровопотери. Когда же вокруг поползли слухи, что Маша «накаркала» смерть воспитательницы, бабушка припомнила, как однажды, когда Маше было почти три года, она пыталась заставить внучку доесть кашу. Маша сопротивлялась и, как всегда, мотая головой, тянулась к стакану с вишневым компотом. Бабушка сказала, что вишни Маша получит только после каши, а иначе сама их съест. Для пущей наглядности она выловила вишню и отправила в рот. Маша отодвинула тарелку и вдруг внятно и громко произнесла: «Смотри не подавись». От неожиданности бабушка закашлялась, вишня застряла в горле, но ей удалось ее вытолкнуть. Тогда они с Наташей не придали значения девочкиным словам. Радовал сам факт – Маша говорить умеет, может, только не хочет, значит, надо заставлять. Теперь, после всей этой истории с воспитательницей, бабушка задумалась и решила, что глаз у внученьки «черный» и хорошо бы ее окрестить.

Батюшка был молод и симпатичен. Он отводил глаза от глубокого декольте Наташиного сарафана и смотрел в сторону, пока договаривались насчет даты и цены предстоящего таинства. Машка стояла, прижавшись к маминым коленям, и, задрав голову, рассматривала картинки, которыми были расписаны стены и потолок церкви. С той, что была ближе всех, на нее смотрел строгий бородач, у которого на носу сидела большая жирная муха. Поползав немного по святому лику, муха слетела прямо на Машкин лоб. Маша вздрогнула и замала руками. Муха отлетела, но, угрожающе загудев, опять спикировала с высоты. Девочка отскочила в сторону и закричала. Батюшка побледнел, а когда увидел, что Маша, отступая, теряет равновесие и падает, задев подсвечник с горящими свечами, рванулся к ней, но огонь уже прихватил капроновую оборку ее платица. Все обошлось. Священник продемонстрировал выучку и ловкость спасателя, сказывалась его прошлая служба в десантных войсках. Перепуганные мама и дочка вышли из церкви со строгим напутствием: «Крестить, и немедленно!»

После всех ритуальных и семейно-застольных процедур по обращению Маши на путь истинный девочка свалилась с температурой, и через пару дней ее тело покрылось мягкими, водянистыми пузырями, обозначившими необходимую и почти неотвратимую обязанность ребенка переболеть ветрянкой вовремя, желательно до старшего школьного возраста. Машина болезнь протекала легко, но сорванные из вредности оспинки на лбу и щеках долго потом служили маме поводом еще раз напомнить Маше, что она непослушная и теперь будет за это наказана, причем теперь она всякий раз приплетала к этому Боженьку.

– Пусть только попробует, – говорила себе Маша и при попытках завести ее в церковь ревела даже громче, чем на подходе к детскому саду. Но того худенького, прибитого гвоздями к кресту человека ей было жалко. Бабушка объяснила, что он Сын, а еще есть Отец и Дух. Все это было непонятно, и в результате Боженьку она представляла с тремя головами, смотрящими в разные стороны. Это было совсем не страшно. Одна голова смеялась, другая

плакала, а третья посредине просто спала. Когда эта голова просыпалась, то поворачивалась то в одну, то в другую сторону. И от этого всем вокруг было то хорошо, то плохо. Вот такую картинку она и нарисовала. Получилось очень красиво, но бабушке не понравилось.

Когда Маша подросла, мама частенько говорила, разглядывая щербатую рожицу девочки:

– С такими дырками теперь тебя никто замуж не возьмет.

А Маше не очень-то и хотелось, особенно после того, как в их доме появился второй мамин муж.

Однажды среди ночи она проснулась от шума и криков. Мама верещала и захлебывалась от плача, отчим огрызался и, страшно матерясь, крушил мебель. Потом они помирились, даже целовались, но Маша слышала то слово, из-за которого ее тогда выгнали из детского сада. Тогда она пообещала маме и бабушке больше никогда так не говорить, а на вопрос, где она такое услышала, как всегда, промолчала. Ведь она просто вернула это слово Татьяне Олеговне, которая однажды, после тихого часа, сжав зубы, процедила: «Что же ты, сука, опять кровать обмочила? Когда же ты научишься на горшок проситься?»

Теперь дядя Володя сказал то, за что ее больно отшлепали по губам. Ей нельзя, а ему, значит, можно.

Каждый раз, натываясь в коридоре на его велосипед и больно ударяя коленку, она мечтала о наказании для дяди Володи. В голову приходила одна и та же картинка: он едет по улице, крутит педали. Его грязная майка намочена от пота, а коротко стриженный затылок перерезан двумя жировыми складками. Он, как черепаха, втягивает голову в плечи и не смотрит по сторонам. Вдруг резко сворачивает прямо под колеса идущего рядом автомобиля. Отчим кричит запрещенное слово и валится на бок. И все.

Так оно и случилось, но не сразу. Маша пошла в школу. Очень скоро выяснилось, что она не может усвоить таблицу умножения и что методика дяди Володи – по столбику натошак, а если не запомнила, то вместо завтрака, обеда и ужина – довела ситуацию в доме до критической. Мама, которой нельзя было волноваться из-за угрозы выкидыша, орала на Вову, чтобы он перестал измываться над ребенком, Вова орал, что Маша выродок и ему не нравится, когда на него волком смотрят, Маша орала, что ненавидит арифметику, школу и всех на свете.

В день, когда у Володи родился сын, он радостно шелкнул по носу Машку и сказал: «Ну что, старшая, нянчиться будешь. Смотри у меня, мальчишку обидишь – уши надеру», – и уехал отмечать с друзьями-рыбаками знаменательное событие. По дороге домой его сбила машина. Экспертиза установила, что он был абсолютно пьян и вообще непонятно, как в таком состоянии мог удержаться в седле велосипеда.

Маша видела, как на похоронах рыдала мама, как переживала бабушка, что мальчик будет расти без отца, как все вокруг вздыхали, поджимали губы и вытирали глаза. Она стояла возле гроба и думала, что в тот день, когда дядя Володя пообещал ей уши надрать, она разозлилась. А если бы она не сказала, что сначала он должен быть наказан за плохое слово, может, ничего бы не случилось. Но плакать ей совсем не хотелось.

Маленького Витьку называли искусственником, и в этом, казалось, была какая-то игрушечность, вроде искусственного мишки или собаки. Маша слышала это слово от бабушки и врачей, которые набегали в дом. У мамы пропало молоко и всякий интерес к жизни. Она не брала Витю на руки, а он заходился в плаче. Маша склонялась над кроваткой, и младенец затихал. Он улыбался и просто дрожал от счастья, когда старшая сестра попадала в его поле зрения. Когда Маши не было, Витя капризничал. Мать вздыхала: «За что мне такое наказание? Одна крикухой была, теперь этот кровь пьет».

Но Маша как раз считала, наоборот, что появление Вити – это самое радостное событие в их жизни, если не считать смерть отчима, и летела домой из школы на крыльях. Ее даже перестали мучить те мелкие и большие гадости, которые происходили с ней в классе. К тому, что никто с ней не хотел сидеть или стоять в паре и вообще дружить, она уже привыкла. В начале года ее пересадили на предпоследнюю парту из-за высокого роста и низкой активности. Сидела она у окна и за учебный год изучила ландшафт, открывающийся с высоты пятого этажа, так хорошо, что могла бы составить точнейшую топографическую карту окрестностей. Она, например, знала, сколько кустов и деревьев высажено по периметру школьной спортивной площадки, сколько скамеек у дома напротив и гаражей на противоположной стороне улицы, а вот в клеточках журнала успеваемости у нее по всем предметам, кроме чтения и рисования, кудрявились пухленькие троечки, вперемешку с глистообразными двойками. Классная руководительница, Полина Сергеевна, была педагог молодой и честлюбивый. Маша портила картину успеваемости. Обычно такие сложности возникали с непослушными, расхлябанными мальчишками, но чтобы девочка, которая писала изложения слово в слово, прослушав дважды незнакомый текст, так туго воспринимала бы все остальное, было диким. За три года Маша ни разу не подняла руку, чтобы ответить на вопрос, а когда ее вызывали к доске или просили ответить с места, она молчала, опустив голову. Дети прозвали ее Му-Му. Полина Сергеевна собиралась поставить ребром вопрос о переводе Маши в специнтернат для детей с отклонениями в развитии. На ее взгляд, было ненормальным то, что девочка вообще никак не реагировала на оценки. Выяснилось, что в доме у Маши в этом смысле как у всех – за плохие ругают и наказывают, за хорошие поощряют. Но фокус заключался в том, что девочке ничего не хотелось, а поэтому ее трудно было лишить чего-то или чем-то подкупить. Обычные детские радости вроде новой игрушки, похода в зоопарк, живой собаки и мороженого на Машу не производили никакого впечатления. Наказания вроде тех: не пойдешь гулять, не будешь смотреть телевизор, ничего не получишь на день рождения – тоже не работали. У нее было только одно по-настоящему сильное желание: чтобы ей разрешили находиться рядом с братиком весь день и всю ночь. Надо сказать, никто и не собирался лишать ее этого удовольствия. Витина кровать очень скоро переехала в Машкин угол, и она могла, просунув руку между прутьев колыбельки, гладить малыша. Бабушка умилялась заботливости внучки, а мама находила в этом прямую выгоду. Лучше Маши успокоить мальчика никто не мог. А главное, Маша разговорилась. Она рассказывала Вите сказки, что-то все время бубнила, он отвечал ей лепетом и смехом. Они были счастливы вдвоем. Пока Маша находилась в школе, малыш нервничал, плохо ел, капризничал. Только на пороге квартиры появлялась Маша, ребенок издавал пронзительный крик радости, и они бросались друг к другу в объятия.

Очередной школьный год закончился. На родительском собрании Машиной маме вручили табель успеваемости, в котором были всего две хорошие отметки, по литературе и рисованию. По другим были тройки, двойки и даже один прочерк. Решено было оставить Машу на второй год, поскольку бабушка и мама слышать не хотели об интернате. Обычно в летние каникулы городских детей родители стараются увезти к морю, на дачи либо в деревню, поближе к природе, козам и коровам. Маша еще ни разу в жизни никуда не выезжала, даже на короткое время. Ей очень хотелось заснуть, например, в незнакомом доме, пройти по улице, которая неизвестно куда выведет. Она хотела убедиться, что четыре слова: река, море, горы и лес – это так же красиво, как на картинках. Но пока она опять оставалась в городе вместе с бабушкой, а мама уезжала куда-то по делам. Потом она приезжала, волоча на себе тяжелые чемоданы, мешки и сумки, набитые утрамбованными до состояния склеенности вещами, и опять исчезала. Она носила на образовавшемся пузе черненькую сумку-пояс, в которой всегда лежали калькулятор, сигареты и анальгин. Еще, совсем недавно, она добавила туда газовый пистолет. У бабушки болело сердце, она не спала по ночам, и Маша слышала, как

она говорила по телефону своей подруге, что Наташа сама во всем виновата – вот если бы тогда она мать послушала и сделала аборт, то все бы иначе сложилось. А теперь ни мужа, хоть и малахольного, ни алиментов, только ребенок тяжелый. И Витьку рожать не следовало. Володя тоже не подарок был, запойный, неизвестно, во что бы все вылилось, кабы Господь не прибрал. Детей кормить надо, одевать, а на что? Надорвет свое здоровье на «челноке» этом. А дети – какая от них благодарность, хоть бы еще «удачными» были, так нет. Маша – второгодница, Витя – болезненный, у него, считай, одна почка работает, вторую придется оперировать, а может, и пересадка понадобится. Бабушка всхлипывала и качала головой, выслушивая утешительные советы собеседницы.

Маша заметила, что над головой бабушки бьется в тусклом свете ночника мотылек. Его гигантская тень мечется по стенам. Машенька стоит босая в ночной рубашке и плачет. Она уже видит, как с потолка стекла мгла, превратившись в черный поток людей, поднимающих, как на гребень волны, лодочку гроба. В нем сейчас уплывет от них бабушка. Маше ее очень жалко, она уже давно простила все обидные слова и прозвища, она совсем не злится и молчит, только быстренько подбегает и, уткнувшись мокрым лицом в старушечью шею, шепчет на ушко: «Я тебя люблю и никогда, никогда тебя не забуду, и Витенька тоже. Мы в эти выходные цветочки тебе на могилку принесем. Вот увидишь...»

Бабушка вскакивает и отталкивает внучку. Маша падает на пол, больно ударившись о подлокотник кресла. Она видит, как трясет головой и размахивает руками тряпичное чучело бабушки, похожее на чудовище. Оно брызжет слюной и, наступая, выплевывает грязные слова, потом вдруг падает в кресло, хватая пузырек с каплями и замирает, страшно выпучив глаза.

После смерти бабушки маме пришлось совсем худо. Детей было не с кем оставить, а выйти из дела она не могла, иначе бы потеряла уйму денег. Через общих знакомых разыскала первого мужа, который жаловался на безработицу и неустроенность. Кандидатскую он так и не защитил, да и кому она теперь нужна. Подрабатывал где-то сторожем, жил с мамой в однокомнатной квартире. Наташа предложила переехать к ней, а квартиру сдать. Они помогут ей растить детей, а она поможет им материально, и, опять же, денежки за квартиру капать будут. Саша обрадовался и засыпал вопросами о Маше, вот только сказал, что надо у мамы спросить. В этот же день он перезвонил и ответил, что мама переезжать не хочет и ему не советует, но, если Наташе очень надо, они заберут Машу к себе, мальчика, конечно, не смогут, а Машу – пожалуйста. Наташа громко послала его вместе с его мамой куда подальше и бросила трубку.

– Чтоб они провалились! – сказала она дочке, тихо подошедшей и вопросительно глядящей на мать. – Тебя, говорят, возьмут, а Витьку – хоть на улицу выбрасывай.

Кровь отлила от лица девочки, глаза расширились, заблестели.

Через пару дней Наташе позвонили все те же общие знакомые и рассказали, что ее бывшие муж и свекровь буквально провалились сквозь землю, когда под их квартирой в подвале взорвался газ. Рвануло так, что рухнули перекрытия. Их доставали из-под завалов несколько часов. Оба выжили, но находятся в реанимации. Наташа в больницу не поехала, ей было не до этого. Маша опять замолчала, зато вокруг нее не утихали слухи и пересуды, из-за которых Наташа всерьез задумалась о переезде в другой район или даже в другой город. Причиной стала совершенно непонятная и чудовищная история, произошедшая в их дворе.

Был теплый летний вечер, когда разновозрастные ребята, как обычно, собрались в районе детской площадки. Те, кто помладше, оседлали качели, а компания постарше разместилась на лавочке. Где-то к часам девяти «сопливых» уводили, и старшие наконец в сгу-

щающейся темноте могли начинать свои небезопасные подростковые игры. Вынималась бутылка, забивалась травка. Девчонки затягивались по кругу, хихикали и закидывали голые ноги на перекладыны скамейки. Мальчишки тянули из горла пиво, матерились и жались к горячим бокам подруг. Маша никогда не сидела с ними, ее не звали. В этот вечер она в стороне выгуливала Витю, который, уже напозавшись, мирно сидел в коляске и слушал с ходу придуманную Машей сказку. Маша поглядывала в сторону дома, ожидая, что вот-вот появится мама. Витю уже надо было уводить спать, она поднялась и покатила перед собой коляску. Проходя мимо компании сверстников, она услышала, как ее одноклассница Лера Малкина, сложив трубочкой губки, нараспев затянула: «Му-Му». Ребята весело подхватили и на разные голоса замычали вслед Маше. Маша даже головы не повернула, хотя внутри закипела злоба. Так бы она и перекипела, если бы Малкина не продолжила:

– А мама у Му-Му турецкая бля-я-я...

Мальчишки заржали и все хором заорали:

– Бля-я-я!

Маша повернула голову. Лицо ее побледнело, зрачки расширились. Ребята буквально покатывались со смеху. Кто-то прокричал: «А братик ублю-ю-док»... понеслось: «Му... бля... блю...»

И вдруг Маша громко сказала:

– Зато вы умрете сегодня, все до одного.

Она скрылась с коляской в подъезде, а на дворовой скамейке не утихало веселье. Две девочки и два мальчика еще долго не расходились. Неожиданно появился пятый, но они его прогнали, это был младший брат Леры. Он стоял над душой и грозился, что расскажет маме, что они курят. Лера дала Лешику десятку и сказала, что через полчаса будет дома. Лешик слышал, как девочки говорили, что Му-Му грозились всех поубивать за то, что они над ней смеялись. Стас, самый взрослый и опытный в компании, отсидевший два года в колонии за драку, разлил остаток «левого» спирта себе и Борику. Девчонки пили пиво. Лере и без добавки было хорошо, лучше, чем Юльке, которая траву не курила. Стасик еще не решил, пойдет ли он с Леркой к гаражам, как вдруг ее круглая задница опустилась на Борькины колени, а хитрые глазки вперились в Стаса. «Во, падла, – подумал Стас, – я тебе покажу, а Борик, козел, куда руки тянет».

Зашумело в ушах, он встал, качаясь, подошел к Лерке и вмазал по шее так, что она слетела с колен и свалилась ему под ноги. Он немного пнул ее в мягкое место. Лерка вскочила и заорала как резаная. Стас оторвал от скамейки дружка и коротко, но резко ударил в солнечное сплетение. Борька согнулся и повалился кулем под скамейку. Лера заткнулась, а толстая Юлька сказала, что пора по домам. Стаса переклинило. Он затрясся от злобы, по щекам заходили желваки.

– Всем стоять! – заорал он и для пущей убедительности сверкнул в полутьме лезвием ножа. Он приказал поднять едва дышащего Борю. Дружок не мог сидеть и заваливался на бок. Стас наклонился над ним и в тот же миг оказался облитым зловонной рвотой, извергшейся из Бориного желудка. Девочки сами чуть не вывернулись наизнанку от омерзения, но то, что произошло дальше, заставило теплые струйки мочи политься по их дрожащим ножкам. Стас тыкал ножом в Борькин живот. Он, не останавливаясь, бил и кромсал его, а тот, как тряпичная кукла, не издавал ни звука, только качался во все стороны. Юля присела и начала ползком отползать, таща за руку Леру. Стас преградил им дорогу.

– Отсюда никто не уйдет, – сказал он тихо, – сейчас мы перетащим его туда. – И он кивнул в сторону гаражей.

Девочки сидели возле окровавленного, но еще живого Бори. Он тихо стонал. В темноте казалось, что его белая футболка просто сильно испачкалась и намокла. Стас ковырялся в

замке одного из гаражей. Девочки знали, чей это гараж и что за машина там внутри. Месяц назад отец Стаса поменял замок и пригрозил сыну тюрьмой, если тот хоть на шаг приблизится к его старому «Москвичу».

Через несколько минут гараж был открыт. А запасные ключи зажигания были давно припрятаны тут же в гараже. Он скомандовал девочкам помочь ему затащить Борю и самим сесть в машину. Они, ревя в голос, умоляли оставить их в покое, отпустить, ведь их родители искать будут. Они обещали никому ничего не говорить... Показанный Стасом нож прекратил пререкания, и девочки подчинились. Их немного успокоило то, что Стас кому-то позвонил по мобиле и спросил о враче.

Уже через полчаса обеспокоенные семьи высыпали в ночной двор. Они искали и звали детей. Мама Борики, грузная женщина-гипертоник, устав ходить, присела на скамейку. В темноте разглядеть было трудно, но ей показалось, что вся скамейка залита чем-то липким и вонючим. Понюхав, выругалась по поводу свинства пьянчуг, распивающих свое пойло на детских площадках. За сына она особо не волновалась, он был хороший мальчик. Всегда хорошо учился и старался зарабатывать самостоятельно. Скорее всего, он и сейчас где-то что-то грузит или сторожит. А вышла она потому, что эти сумасшедшие Малкины панику из-за девки своей и ее подружки подняли. Подумаешь, гулять вышли и до сих пор нет. Хорошо, что вообще ночевать домой приходят, ведь вечно по улицам шастают, как бездомные какие. А братик ее, Лешик, тоже еще идиот, рассказал, что видел, как Борик со Стасом выпивал, а девчонки у них на коленях сидели и курили. А еще ерунду какую-то, что Машка собиралась их всех убить. Господи, до чего люди недалекие бывают. С кем жить рядом приходится...

Среди ночи в квартиру Маши сначала позвонили, а потом заколотили кулаками. Наташа долго не могла понять, что хотят от ее дочки соседи. Потом до нее дошло, что они обвиняют Машу в исчезновении детей. Наташа уже собралась открыть рот и ответить соответственно этому бреду, как на пороге комнаты появилась заспанная Маша. Она увидела перепуганных родителей и тихо прошептала:

– Один уже умер. Только не надо за ними ехать, хуже будет...

– Кто умер?! – охнула мама Леры, а папа заорал:

– Ты чего загадками говоришь, давай выкладывай! Что значит хуже будет? Куда не ехать?

Маша задрожала и заплакала. А Наташа завелась с полоборота. Она пыталась выставить из дому нахальных соседей, но они скандалили и требовали, чтобы Маша рассказала все, что знает. А она ничего не знала, кроме того, что увидела, как очень скоро машина с двумя девочками и мертвым Борей будет мчаться по трассе на бешеной скорости, уходя от преследования двух милицеских машин и одной «девятки» с отцами. Будут гудеть сирены, орать девочки, материться Стас, а потом, на крутом повороте, они просто вылетят на встречную полосу и превратятся в лепешку под колесами грузовика... Пока мама Наташа ругалась у двери с родителями, Машенька шептала: «Только не надо догонять, пожалуйста, не надо, не надо», – но никто ее не услышал.

После всего произошедшего Наташа задумала продать квартиру и переехать в другой город. Она пыталась поговорить с Машей, но разговора не получилось. Маша онемела. Наташа решила было хорошенько надавать дочке за вредность и нежелание разговаривать, но, когда замахнулась, наткнулась на широко распахнутые глаза. Сама не знала, почему остановилась. Обняла, прижала к себе и почувствовала, что дочкино тельце слиплось с ее собственным, как до рождения. В этот момент вспомнила, как после родов пыталась накормить Машу воспаленной от начинающегося мастита грудью, как заходила в крике малышка, а

Наташа хотела убежать на край света, чтобы не видеть и не слышать свою новорожденную дочь. Она подумала, что, может, тогда это все и началось, может, Машка это почувствовала. Но ведь я ее люблю, очень... Маша уперлась щекой в мамин живот и улыбнулась. Но мама этого не заметила.

Маше нравилась идея переезда, все равно куда, ей просто хотелось увидеть новую улицу за окном, пойти в новую школу. Она мечтала, что Витя, мама и она заговорят на другом языке, ведь бывает, что люди уезжают в другие страны. Ей очень хотелось говорить много, красиво, не так, как все, и для этого, казалось, нужен другой язык. Наташа суетилась, искала разные варианты, но мечтам пока не суждено было сбыться, по крайней мере в ближайшее время.

Витенька тяжело заболел. Все началось с гриппа, всю неделю держалась высокая температура, а в результате начались осложнения. Он отказывался есть, болел живот. Вызвали неотложку, а в больнице подключили к искусственной почке. Маша дежурила возле Вити постоянно. Сначала главврач отделения была против, но медсестры и нянечки прониклись Машиним упорством помогать всем вокруг и прятали ее от суровых глаз начальницы. Казалось, что Маша на своих русых кудряшках приносит в больничную палату жаркое летнее солнце. Детишки усаживались возле нее, она рассказывала сказки и рисовала цветными карандашами что-то смешное. Оттуда, где сидела облепленная детьми Маша, всегда доносился смех. Однажды Маша потрясла до глубины души молодую медсестру Зоечку интересными умозаключениями. Зоя разболтала всем вокруг, что маленькая девочка как бы изнутри видит болезнь каждого ребенка. Был у них в палате один мальчик, все огурчик соленький просил, а ему вообще ничего такого нельзя, считай, почек вообще уже нет, донора искали, так Машка спросила, зачем его мучаем, надо разрешить ему съесть все, что захочет, потому что червячки его уже доедают. Она тогда нарисовала Зое картинку, на которой с потрясающими анатомическими подробностями были изображены внутренние органы ребенка, по которым ползали зубастые червячки. В верхнем правом углу картинки были пририсованы крылышки. Она объяснила Зое, что на них душа мальчика завтра вечером улетит на небо. Так оно и случилось. Весь следующий день малыш провел в реанимации, а к вечеру умер. После этого девочку пригласили в процедурную, где собрались практиканты и медсестры. Им было любопытно посмотреть на картинку-диагнозы. На них переплетались, как лианы, кровеносные сосуды; едва обозначенная крона легких держалась на веточках артерий; бобы почек, улитка печени и баклажан желудка создавали причудливый натюрморт, а вокруг ползали и плодились червячки болезней. Они были прожорливыми и страшными. Маша водила маленьким пальчиком по картинке и объясняла потрясенным слушателям, где сидит болезнь и как ее оттуда выманить. Следующий, кто захотел ее услышать, была главврач Анна Борисовна, которая через год уходила на пенсию, поэтому уже ничему не удивлялась и почти ни во что не верила, а особенно в чудеса. После разговора с Машей она решила направить ее на обследование, только непонятно, куда. Ненормальность девочки была очевидной, но опасность она усмотрела в том, что Маша, нахватавшись каких-то отрывочных знаний из медицинских справочников, утверждала, что видит начало болезни, ее развитие и возможный конец. Приговор был суров – девочку к больным не подпускать и вообще запретить появляться на территории больницы.

Витеньке делал операцию молодой доктор. Когда он, добравшись до левой почки, нащупал неправильно сформированную систему каналов, то вспомнил Машин рисунок. Мама Вити принесла его за день до операции. Девочка изобразила огород, на котором выросла фасоль. Один боб вывалился из стручка и странно завис на перекрученном стебельке, по которому полз толстый зубастый червяк. Хирург что-то расправил, соединил, под-

вязал, и растение ожило. Витю скоро выписали из больницы, и он вернулся домой почти здоровым. В сентябре он радостно пошел в детский сад, ему там понравилось, и у мамы с ним не было никаких проблем. За Машку он уже не цеплялся. От сказок ее зевал и убегал к своим машинкам, конструкторам и телевизору. Они переехали в другой район, и Маша пошла в новую школу. Первую четверть она закончила с одними пятерками. Учительница всему классу читала сочинение Маши на тему «Кем я хочу стать». Маша мечтала быть доктором, художником, писателем и еще очень хорошей мамой. А ее мама Наташа, наконец, после всех потрясений пришла в себя и очень изменилась. Перестала мотаться по барахолкам, выбросила набрюшник с калькулятором. Подрабатывала то там, то сям, но чаще нянечкой в детском отделении больницы, где когда-то лежал Витя. Работу ей предложил тот самый хирург. Он пока не предложил ничего другого, но, похоже, это было только начало. Маша упрашивала маму взять ее в больницу. Для нее не было пронзительней счастья, чем счастье слышать радостный визг детей: «Маша пришла!» Но запрет главврача никто не решался нарушить. Надо было подождать до конца года. Анна Борисовна уже объявила всем вокруг, что уходит, и расстроилась, что никто ее не собирался удерживать.

Когда после рабочего дня уставшая мама возвращалась домой и садилась на диван рядом с Машкой, поджимая ноги, как если бы под ними протекал ручей, то это было еще одним счастьем. Она прижималась к дочке, гладила ее, легонько целуя. В эти минуты Маше очень хотелось рассказать маме про все то, что она знает. Например, что червяк, который должен был залезть в ее щитовидную железу, просто свалился, когда она не ударила Машу. Ей хотелось объяснить всем вокруг, что она видит, как люди сами торопят свою смерть. Дверца не заперта и всякий раз широко распахивается, как от сквозняка, когда прорываются гнев и злоба. Они сами открывают ее для себя и для других, когда перестают любить. Но как все это объяснить, она не знала, и потом кто поверит. Она тихо засыпала на маминой груди и думала о том, что больше никогда ни на кого не будет злиться, чтобы не вытолкнуть случайно за дверь тех, кто и сам скоро через нее выйдет.

Теплый войлок окутывал тело, мысли замедлялись, путались, растворялись. Было хорошо. Последнее, о чем подумала Маша, проваливаясь в глубокий сон, что мама у нее очень красивая и доктор сказал, что Маша на нее так похожа, ну просто одно лицо. Может, и правда...

А главврачу Анне Борисовне не повезло. На пенсию она так и не вышла. Было бы странным, если бы тогда она бросилась под нож и сделала операцию только потому, что десятилетний ребенок нарисовал скопление червячков в прямой кишке, но, когда метастазы пошли в печень, было уже поздно.

Они спустились к Рождеству

Вы видели, как светится синим и фиолетовым снег? А красным и зеленым? Он может зажечься золотистой искрой и вспыхнуть оранжевым пламенем, но все это – не просто так. Все это происходит от мельтешения огней наверху – неоновой рекламы, лампочек на домах и деревьях, разноцветных фонариков и ярких фар проезжающих мимо машин. Опять же – луна и звезды, как отмытые по случаю праздника, тоже добавляют немного света в этот фейерверк. Завтра Рождество, а сегодня вечер для вкусной еды, нарядной елки, назойливых песенок, конфет, орешков, блестящей мишуры и семейного единства. Плохо в эту ночь быть одиноким. Еще хуже умирать, но и рождаться, я вам скажу, тоже не легче, как, впрочем, в любой другой день года и века. И не важно, сколько людей вокруг, большой это город или маленькая деревенька, ведь никто не поможет, даже самый хороший доктор, если... Если Они не пришли.

Они сидели в опустевшем ресторанчике провинциального города. Наконец им удалось встретиться. Не виделись вечность. Последний раз их пути пересеклись очень давно, тоже под Рождество, но сейчас трудно было вспомнить, когда именно. Официантка собирала посуду и елозила по столу мокрой тряпкой. Крошки сыпались на их колени, но этого она не замечала. Подхватив поднос, полный грязных тарелок, женщина тяжело распрямилась. Ее крупное тело натянуло одежду, и вдруг, ойкнув, она грохнула подносом об стол, обхватив руками провисшую грудь. Пошарив по спине, попыталась нащупать расстегнувшуюся застежку лифчика, но не удалось. Оглянувшись по сторонам и убедившись, что ресторан пуст, она опустилась на стул и просунула руки под свитер. Застежка выскальзывала, не поддавалась, как вдруг сама собой застегнулась. Ей показалось, что рядом послышался смех. Звякнули на окне стеклянные сосульки, мигнули лампочки, и официантка вскочила как ужаленная. Она посмотрела на стул, даже пощупала его. Стул был скользкий и холодный, как положено пустому пластиковому стулу. Но что-то все-таки было странным. Еще раз осторожно присев, опять с криком подпрыгнула – ее пухлый зад коснулся мягкой поверхности.

Они не могли сдерживать смех. Тот, который был черноволос и черноглаз, противно скалился, а кудрявый блондин с ясными, светлыми глазами утирал слезы. Их рассмешило глуповатое изумление на лице официантки, ее полезшие на лоб брови и отвалившаяся челюсть. Она их не видела, но чувствовала. Светлоглазый перестал смеяться первым.

– Ладно, – сказал он дружку, – пошутили и хватит. Видишь, как ее напугали. Бедная, славная, сегодня с утра ее день не заладился, как, впрочем, вся жизнь с рождения. А ты еще добавил с этим лифчиком...

– Жрать надо меньше, – зло бросил в ответ брюнет, – вот сиськи и не будут выпрыгивать.

– Но ведь это ты расстегнул, я твои шуточки знаю. Вечно ты пакостничаешь. А правда, она хороша? Не находишь?

Черные воронки зрачков втянули волнистый силуэт женщины.

– Не нравится, – отрезал он. Ночные тени легли на худое лицо, он посмотрел на друга и мрачно произнес: – Мужа нет, детей нет, тот, которого ждет сегодня, обманет.

– А все потому, – завелся кудрявый, – что зеркала лукавят. Они показывают ей толстую и некрасивую, совсем не ее. А она – просто чудо, сейчас покажу.

Он встал, подошел вплотную к женщине и приложил ладонь к ее горячему лбу. Официантка закрыла глаза, улыбнулась, и лицо ее посветлело, расслабилось. Постояв так совсем недолго, она очнулась и увидела в ночном окне отражение рыжеволосой красавицы, на

голове которой светилась разноцветными огоньками диковинная корона. И пусть это была всего лишь стоящая за спиной елка, женщине стало хорошо и весело. Она выпрямилась, качнула бедрами и легко пошла дальше сметать крошки.

Блондин радостно махнул крылом – колыхнулась юбка вокруг ее крутых бедер, взметнулись и повисли краешки скатертей и салфеток. Казалось, женщина вот-вот взлетит.

– Не поможет, – кисло усмехнулся Черный, – я ее мать вспомнил. Девчонку должны были сразу к нам забрать, никто ее тут не хотел. Родители – алкоголики. Она в семье четвертая, по пьяни сработанная. Вылезла из чрева синяя, слабая, даже кричать не могла, но ты тогда вмешался, неужели не помнишь? Кстати, она тоже в моем списке сегодня.

– Ну конечно, теперь вспомнил. Это лет тридцать назад было или побольше. Точно. В этот город нас тогда и спустили. Я тебя не забыл. Понравился ты мне. Обычно ваши несговорчивые, а ты уступил. Ведь часто между нами до драки доходит. Все никак вы не можете смириться, что жизнь сильнее смерти. Молодец, что тогда ее жить оставил. Видишь, какая хорошая выросла. погоди, а зачем опять забирать?

– Ну что хорошего! Как не нужна была никому, так и будет. Ты у нее спроси, каково ей. Знаешь, сколько раз она меня звала?

– Тебя звала, а на меня надеялась. Ей сегодня только тридцать три стукнет – все впереди: и счастье, и горе, вся жизнь...

– Вот что меня всегда раздражает в Белых, так это их романтическая глупость, – сморщился, как от зубной боли, Черный, – ты же по первому крику знаешь, во что все выльется, кто и зачем на свет появился, ан нет – опять бредовые иллюзии, что там заметят, перепишут, вмешаются. Очень надо. Как заложено, так и будет, а мы вечно надоедаем Ему своими криками: помоги тут, помоги там.

– Миленький, мы же – Хранители! Нас зовут, мы приходим. Его руки и уши. Давай лучше решим, куда и к кому в первую очередь. А рыженькой нашей я все же сделаю маленький рождественский подарочек, не возражаешь?

– Да на здоровье, только не в коня корм. Ее хоть под принца или, как они теперь тут любят говорить, под олигарха подсунь – ничего не изменится.

– А мы попробуем, попробуем. А олигарх, он что, тоже на белом коне?

– Может и на белом, но чаще на «Мерседесе». А ты что, давно не спускался?

– Спускался, только не сюда.

– Ясно. А мне – хоть не улетай, каждый день работа.

Они парили над городом, похожим на праздничный пирог. Он был нарядным и вкусно пах свежим снегом. Узкие кривые улочки петляли, обтекая невысокие дома, и сливались в устье широкой площади. На ней стояла главная достопримечательность города – здание Городского Совета. Когда-то давно его поставили на месте полуразрушенного Храма. Почему так случилось, уже никто не помнил. Те, кто разрушал и строил, давно умерли, а их детей интересовали куда более важные вещи. Как, например, перестроить тот самый Совет, в прошлом Храм, в большой Магазин, где можно будет купить все – от бутылки кефира до «мягкого уголка».

Беленький вертел головой и восхищался изменениями, произошедшими в благосостоянии горожан. Ему нравилось, что на улицах много дорогих машин, а витрины магазинов заполнены снедью. Он видел красиво одетых женщин и толстые кошельки мужчин, ему нравилось заглядывать в окна квартир и ресторанов, за которыми ломились от еды и питья празднично накрытые столы. Черный замечал другое – как неприветливы лица горожан. Как скользят и прижимаются к домам пешеходы, стараясь не угодить под колеса никого не пропускающих машин. Как лихорадочно блестят глаза игроков и продажных женщин, сколько пьяных и злых, больных и бездомных.

Они опустились на крышу больницы. Так обычно начинался любой визит черно-белой пары. Тут их особенно ждали.

– Ты как хочешь, а я проявляться не буду, – поевшись, сказал Черный, – крылья за последнее время сильно разрослись. Под пальто уже не спрячешь, неудобно, болят, если сдавишь.

– Эх, не к добру, – поник головой Беленький, – значит, опять вам работы прибавится. Неужели война?

– Необязательно. Тут и без войны есть что делать. Назад посмотри.

Златокудрая голова обернулась вокруг оси. Ночной горизонт светился ядовитыми сполохами желто-зеленого света. Клубы дыма и огня вырывались из труб в небо.

– Химкомбинат, – прокомментировал Черный. – Хозяин тут не живет, не дурак. Его семейство давно и надежно обосновалось в чистенькой горной стране. Сегодня увидишь, кого родит молоденькая наладчица этого комбината. Даже наши выродки кошмарные – ни в какое сравнение. Но это так, экзотика. Предстоит борьба за власть. На днях, Хозяин «лыжи откинет» на горнолыжном курорте. Ему в этом помогут, а тут такое начнется! Работы будет – не соскучишься. Кстати, новый, который замочит старого Хозяина, сегодня уже кутит в этом городе, он – будущий олигарх, так что, если хочешь, можешь свою Рыжую подложить, только я бы не советовал, эти ребята – не подарок.

– А вдруг он влюбится? – мечтательно закатив глазки, спросил Беленький.

– Тьфу ты, глупость какая! Да он не умеет. Знает, что так бывает, но не получается. И потом, не в эту же корову. Он себе первых красавиц купить может.

– А наша не продается.

– Значит, не предлагали.

– А давай попробуем, – взвизгнул Беленький, невысоко взлетев от возбуждения. – Представляешь, он ей золото, брильянты, а она ему: нет, только любовь! Ничего не надо – только любовь до гроба.

Черный сочувственно посмотрел на порозовевшего от чувств друга и покачал головой:

– Жаль мне тебя, идиота. Летел бы ты домой или еще куда подальше, нечего тебе в этом городе делать. Короче, ты проявляться собираешься или как?

– Знаешь, лучше я найду сегодня приятное тело и материализуюсь. Оно, хоть неудобно, но всегда надежнее, – заявил решительно Беленький, – люди не всегда понимают, что мы уже пришли. Непокойные такие, суетливые, все чего-то боятся, не верят. А когда рядом сядешь медсестричкой ласковой или другом закадычным воплотишься, за руку возьмешь или там стаканчик нальешь, все сразу меняется. Я так недавно одну девчонку у вас выудил. Она на подоконнике восьмого этажа стояла, а ваш уже подлетал. Ну что мне делать, опять перья драть? Я в парнишку смазливового влез, сел на соседнем балконе и давай с ней заигрывать. Не прыгнула, а ваш покругил около да улетел ни с чем. Слушай, а я придумал! – вспорхнул Беленький и от радости просиял, как ночная звезда. – Я назад в ресторанчик слетаю, понравилась мне Рыжая, в нее и нырну. Теплая она, большая и добрая. Настоящий ангел. Вот мы сегодня вместе и поработаем.

– Ты это, дурака не валяй, ее два ублюдка уже заждались. Они там, в темном переулке стоят, им на выпивку не хватает, – мрачно предупредил Черный. – Ее в овrag затащат, волосами рыжими шею обкрутят, отберут все, а после надругаются. Но она сильная, будет отбиваться, за это и порешат. Так что учти, я через часок за ней приду.

– А ты не торопись, – хитренько хихикнул Беленький, обнаружив симпатичные ямочки на щеках, – мы с ними потолкуем по душам, может, от греха этого страшного отведем. А может, этот, на «Мерседесе», ее доведет.

– Давай, давай, голубь мира, старайся, только поосторожнее, а то не успеешь из тела выскочить, как засадят тебе по самые уши, – хрипло заржал Черный.

Случайный прохожий мог бы заметить, как с крыши сорвало серебристое облачко снега, которое поднялось выше цепких голых ветвей, выше острых антенн на крышах, выше колокольни бывшего Храма, а в будущем Магазина, и понеслось к ресторану, где у входа стояла официантка, надевая на покрасневшие после работы руки пушистые варежки. Облачко зависло над ней и просыпалось блестящими снежинками на голову и плечи. Она подставила широкое румяное лицо снежному ветерку и шумно втянула ноздрями морозный воздух. «Как хорошо!» – сказала и действительно почувствовала, что удивительно хорошо внутри и вокруг... Беленький удобно разместился в ее широком теле. Выставив грудь колесом, он поправил рукавичкой выбившуюся из-под шапки рыжую прядь и, поскрипывая каблучками, пошел по темному переулку.

Путь белого «Мерседеса» пролегал далеко от тех улиц, по которым официантка топала к автобусной остановке. Но сегодня их траектории должны были пересечься. Женщина подумала, что хорошо бы зайти, например... и растерялась. Она не знала куда. Еду и бутылку шампанского она несла с работы – шеф распорядился выдать всему персоналу. Платье, туфли и подарки были куплены заранее. Деньги она транжирить не собиралась, они предназначались для лечения матери, а что же еще...

Она оглянулась вокруг, и ей захотелось пройтись по нарядной площади, поглазеть на большую елку, богатые витрины, веселых людей. Возле цветочного магазина она зазевалась, разглядывая букет нежно-розовых орхидей, укутанных в иней серебристой кисеи и, оступившись, грузно навалилась на мужчину, несущего перед собой тяжелую хрустальную вазу, полную цветов. Ваза выскользнула из рук и, хрустнув, разлетелась на куски, ударившись о крыльцо. Официантка охнула, и глаза ее наполнились слезами. Мужчина ругнулся, но как-то незло, скорее лениво и, мазнув глазом по крутым женским формам, добавил: «Так и прибить можно». Как из-под земли вырос коротко стриженный крепкий парень и оттеснил официантку к стене. Она заныла, что не хотела, что случайно, что сейчас все соберет, вот только денег у нее нет за вазу заплатить: мама в больнице, она одна, на лекарства не хватает...

Мужчина поправил на запястье дорогие часы и посмотрел на циферблат. Он не попытался вслушаться в слезливый поток женского нытья, а развернулся всем корпусом и пошел к машине. Водитель открыл перед ним дверь белого «Мерседеса». Женщина смотрела ему вслед, глотая слезы, но успокаиваясь, что, видимо, самое страшное уже позади. Он оглянулся. Ему показалось, что уже встречал такие глаза, полные слез, печали, ангельской доброты и терпения, но вот где и когда – забыл. Так и не вспомнив, он сел в машину. Еще он подумал, что и без цветов обойдется. Та, для которой старался, была так себе, на троечку. Девочка недавно какой-то там конкурс красоты выиграла, стала нос задирать. Ну попка, ножки, ясное дело, при ней. А вот мордочка – капризная, недовольная, и глазки хитрые, злующие. А у той, у магазина, совсем другие – теплые, блестящие. Где же я такие видел?

Как Беленький ни старался, ему не удалось заставить этого человека вспомнить, как...

Мама стоит на крыльце и плачет. Она не останавливает, знает, что бесполезно – сын так решил. Пылит дорога под ногами, дымит сигарета в зубах. Позади синяки и шишки, впереди раны и кровь. Мальчик выходит в большую жизнь, а мать смотрит вслед, замирая от ожидания, – вдруг обернется, вдруг передумает. Нет, он уже никогда ни перед чем не остановится, не оглянется назад. И не вспомнит тех глаз, полных слез, печали, ангельской доброты и терпения...

Осторожно сложив большие черные крылья, Черный сел в уголке предродовой палаты. На кровати крючилась от боли маленькая женщина, почти девочка, которая должна была этой ночью разродиться. Простыни были измазаны кровью, подушка слезами. Схватки шли уже каждые семь минут, и слышать ее вопли не было сил. Голос у нее был высокий, тоненький, почти кошачий. Акушерка и врач заперлись в ординаторской и тихонько выпивали по случаю праздника. Опоздать они не боялись, так как уже поняли – без кесарева не обойтись. Плод лежал непонятно каким боком, голова не прощупывалась. Роженица, как положено, кричала: «Помогите!», потом – «Умираю!», потом звала врачей и, наконец, в углу заметила Его тень. Осипшим от крика голосом взмолилась: «Забери меня, прошу», – но тень не шелохнулась. Вдруг ее тело изогнулось, как в падучей, ноги, нащупав железные прутья кровати, напряглись, и она вытолкнула из себя комок темной и бесформенной плоти. Это нечто плюхнулось между ног, оставаясь привязанным к ее нутру мягким шнуром пуповины. Она затихла, глядя перед собой, и увидела, как над головой расправились и взмахнули черные крылья. В палату вбежали врач и акушерка. Роженица была жива, но без сознания, что было к лучшему. Родившийся ребенок смахивал на кальмара, сдавленно хрипел и хищно пялился фиолетовым глазом на перепуганный медперсонал. Акушерка закатала рукава, оголив мясистые, твердые руки, и брезгливо перерезала пуповину. Моллюск судорожно дернулся, забился, агонизируя, и через минуту уже не подавал никаких признаков жизни.

– Господи! – выдохнул доктор. – Какое счастье – похоже, этот умер!

Акушерка кивнула и добавила:

– Уже третий случай за последний год. Те два еще живы. Этому повезло и мамке его вместе с ним, вот бы намучались! Это им подарочек. Умирать – оно даже иногда правильнее. Пусть спасибо скажет.

Акушерка дала указания нянечке, та, как полагается, отмыла роженицу, положила ей на живот пузырь со льдом. В сознание они ее привели и тут же вкатили снотворное, чтобы отдохнула и они вместе с ней. Женщина, проваливаясь в сон, увидела, как посветлело все вокруг, когда от стены отделилась темная тень крылатого человека с ребенком на руках. Малыш был смешной и забавный. Он подмигивал круглым глазом, выдувал пузыри и лепетал что-то, размахивая ручками и ножками, которых было, как показалось маме, немного больше, чем положено. Она вспомнила, что забыла спросить, это мальчик или девочка, но тут же решила, что это не имеет никакого значения. Кто бы это ни был, она его уже любила больше жизни...

Автобус, тяжело отфыркиваясь, вывалил из своего прогретого и затхлого нутра кучку пассажиров. Это была его последняя остановка – городская окраина. Люди разбегались по белому полю пустыря, как тараканы, торопясь поскорее залезть в многоэтажные норки своих жилищ. Официантка тоже вышла, но не спешила. Ей было совсем не холодно и почему-то весело. Она засмотрелась на бегущую яркую точку на небе, то ли звезду, то ли самолет. Ей захотелось тоже сейчас куда-нибудь лететь. Только один раз в жизни она села в самолет, когда летала в столицу вместе с подругой, надеясь там что-то купить, а потом продать, в общем, как-то заработать. Ничего не получилось, только последние деньги потеряла. А здорово было бы сейчас сидеть в синеньком двойном кресле с любимым человеком и смотреть в иллюминатор на город, который бы исчезал из виду и стирался из памяти по причине набора высоты. А потом оказаться на острове с пальмами, вроде как на фантике конфет «Южная ночь», и целоваться, сидя и лежа под этими самыми пальмами.

Она уже прошла перерытую траншеями стройплощадку нового микрорайона, уже было до дома рукой подать, как путь ей перегородили двое. Один, который повыше, сжимал в руке кусок арматуры, второй – щуплый и маленький, сверкал ножом. Женщина побежала назад и тут же услышала за собой тяжелые шаги и грязную брань. Она думала только о том,

что в сумочке ее получка и добавка к празднику, чаевые, и всего этого может хватить, а если еще немного занять...

Додумать не получилось. Сзади навалились, толкнули в спину. Она упала лицом в натоптанный лед. Шапка свалилась. Щуплый намотал на руку разметавшиеся волосы и дернул. Она взвыла от боли, а в глазах потемнело, как если бы кто-то большой и черный встал, заслонив собой все пространство мира. Показалось, что рядом захлопала крыльями огромная птица.

– Ну, хватит, голубь, вылезай, – раздраженно сказал Черный, наблюдая в сторонке, как бьется в судорогах полузадушенная женщина. – Тебе что, мало? Они не отстанут, а ее только мучаешь. Давай, отпускаяй и полетели. Не люблю я эти штучки с вживлением. Чего ты добился? Этот, в «Мерседесе», не то что глаза материнские, саму мать-то с трудом бы вспомнил. А этих, конченных, ты собирался разжалобить, образумить. Да они слов таких не знают.

Беленький, по всему видно, не собирался сдаваться. Женщина собрала последние силы и вонзила острые ногти в нависшие над ней безразличные глаза. Вдруг руки на ее шее разомкнулись, и в этот момент мурашки пробежали по спинам бандитов – из ее сдавленного горла извергся чудовищной силы звук. Это был крик и вой одновременно. Он метнулся в сторону больницы, чтобы слиться со стонами и воплями молодой матери, оплакивающей своего мертвого уродца. Звуки эти нарастали, ширились, отражаясь эхом от стен многоэтажек. Люди прилипали к окнам, выпрыгивали из кухонь и спален, выходили на улицу. Им было страшно. Кто-то сказал, что так, наверное, трубят Ангелы перед Концом Света, а кто-то возразил: «Чепуха! Просто люди празднуют, выпивают. Рождество ведь! Христос родился!»

Два кольца, два конца...

Чик, чик – пощелкивают ножницы в Зоиных руках. Сегодня уже восьмая стрижка и укладка, впереди – две завивки и три покраски.

Зоя выгибает спину. Ноги гудят, хорошо бы домой на диван. Лежать, уставившись в телевизор, и смотреть, засыпая, как люди встречают Новый год. А чего его встречать? Хочешь не хочешь, все равно придет. И чему радоваться? В прошлый раз все было: елка, гости, подарки. А чем кончилось? Встречали всей семьей, а провожать – одной. Первым ушел муж, потом дочь. Оба влюбились без памяти. Даже кошка по весне сошла с ума и сбежала в поисках любви. Так никто и не вернулся.

– Зоенька, тут над ухом покороче, пожалуйста, – подает голос медно-рыжая голова.

Острые ножнички срезают завиток. Он падает на белый кафельный пол. Толстый рыжий вопросительный знак. Сплошные вопросы без ответов.

Если человек не умирает, значит ли, что он продолжает жить? Что остается от семейной жизни, перекочевавшей из бытия в небытие...

– Мне бы цвет такой светленький, как солома, что думаешь – пойдет? Зой, а Зой, ты чего, заснула?

Зоя смотрит в зеркало. Там два лица. Одно – ярко-румяное, другое – Зоино, словно грязной тряпкой размазанное. Румянному – в самый раз солома.

А вот Зое цвет не поможет, разве что голову отрезать. Хорошо бы. Думать нечем будет.

– А мы сегодня в ресторане встречаем, – стрекочет клиентка. – Зоя, ты слышишь меня? Где встречаешь?

– Дома.

– А что хорошего дома? Ну нажрут все, напьются. И не надоело тебе готовить?

Зоя включает фен, чтобы закончить укладку и заглушить болтовню. Как бы ей хотелось весь день простоять у плиты, накрывать на стол, суетиться, прихорашиваться. Взять бы да испечь их любимый торт, а потом самой съесть. Раньше даже распробовать не успевала, да и не хотелось, пока приготовишь – глаза бы не глядели. А у Леши большого и Лесеньки маленькой рты не закрывались. Перемазанные клубничным кремом, они подползали к ней поближе и целовали... Леша большой – в губы, а Лесенька – куда дотянется.

Леся теперь взрослая – почти двадцать. Зовут ее Линор, и живет она в Калифорнии с мальчишкой без профессии и мозгов. Уходя, кричала: «Ты мне не мать! Что ты понимаешь в любви? Если он не белый, так значит – не человек? Ты хоть раз слышала, как он играет на гитаре? Я сама буду работать и кормить его всю жизнь. А тебя больше не хочу видеть!»

Но, может, по случаю праздника позвонит...

Бывший живет по соседству с новой женой, он уж точно не позвонит. Ему не до нее. Но ведь жили все вместе почти двадцать лет. Или не жили?

Черные вопросительные знаки падают на пол с очередной головы. Быстро порхают Зойкины ножницы. Ровная линия, волосок к волоску. Безупречная работа, настоящее мастерство. Закончен рабочий день, последний день уходящего года.

Она села в заледеневшую машину и включила дворники, которые некстати быстро размели мокрый снег с лобового стекла, открыв прохожим беззвучно рыдающую женщину с телефоном в руках.

До Нового года оставалось четыре с небольшим часа.

Она промокнула глаза, высморкалась и выехала на дорогу. Проезжая мимо магазина, вспомнила про торт. Идея была бредовая, поэтому и застряла в башке как клещ. Она давно заметила: чем бредовее мыслишка, тем тяжелее от нее избавиться.

Купила все, что надо, даже больше. Взяла свежей клубники, чтобы добавить в сливочный крем. Забросила в багажник кульки и опять проверила мобильный. Никто не звонил.

– А кто же позвонит? Даже друзьям наврала, что уезжаю.

До того как подняться на свой этаж, Зоя проверила почту: а вдруг там письмо или открытка от дочки? Леська в детстве собирала открыточки с морем, пальмами, солнцем. Их она тоже уволокла с собой – туда, где живые пальмы, море и солнце. Все взяла, ничего не оставила.

В почтовом ящике оказалось несколько конвертов со счетами. Внезапно из пачки мало-приятной почты выпал небольшой листик – извещение на посылку. Зоя замерла, стараясь разобрать адрес отправителя, но ничего внятного она не обнаружила. Почта закрывалась через пятнадцать минут. Мысль о том, что посылку можно получить после праздников, отменяла мгновенно. Это был сюрприз, возможно, подарок. Хотелось получить его тут же, а главное – понять, от кого. Зоя сразу загадала: «Если успею до закрытия, то все в жизни наладится».

По дороге перебирала в голове варианты возможных отправителей. Больше всего хотелось, чтобы посылка была от дочки. Это означало бы, что обиды забыты и открыт путь к примирению. Подарок от «бывшего» был вроде сказки про Деда Мороза. Он и в прошлой жизни не баловал, а теперь-то чего?

Машины ползли, как жуки по льду. Сверху сыпалась ледяная крупа. Зоя с тоской посмотрела на часы. Надежда таяла быстрее, чем льдинки на лобовом стекле. Светофор, поворот. Опоздала. Зоя вышла из машины, еле удержавшись на ногах от порыва ветра, вонзившего в нее сотни острых ледяных иголок. Она толкнула дверь почты, и та неожиданно открылась. У стойки стоял улыбчивый седоволосый мужчина в круглых очках. Он взял извещение и тут же извлек из-под стойки пакет, вид которого отозвался в Зоиной памяти давно забытым словом – бандероль. Кирпич, завернутый в грубую коричневую бумагу, поверху перетянутый разлохмаченной веревкой. Зоя вчитывалась в расплывчатые каракули, выведенные химическим карандашом, и не могла понять даже фамилию отправителя. Казалось, что посылка пришла из далекого прошлого, из тех времен, когда папина родня отсылала им из деревни в город намертво забитые маленькими гвоздиками фанерные ящики. Они были наполнены стружками, из которых извлекались яблоки, сушеные грибы, мед, орехи. Зоя обо-жала эти посылки. Кроме витаминного содержимого, в них всегда находился для нее гости-нец – бело-розовый пряник величиной с блюдце, который никогда не черствел. Обычно все это приходило в канун Нового года. Орехи заворачивали в фольгу и вместе с яблоками раз-вешивали на елке. Пряник она ела по крошечке и не расставалась с ним даже в постели...

Ей показалось, что кто-то сказал на ухо: «Извините, но до Нового года осталось пять минут. Вам надо поторопиться...»

Она очнулась у себя на кухне. Как доехала домой, как поднялась в квартиру – не пом-нила. На кухонном столе лежала бандероль. На полу – кульки с провизией. Вопросительно изогнутая синяя тень настольной лампы дотянулась до потолка. Часы показывали без пяти минут полночь. Зоя вскочила, протирая глаза, и рванулась к телевизору. Там по русскому каналу шло в записи приветствие президента. Куранты на Кремлевской башне отбивали последние минуты года, Зоя, широко зевнув, откупорила шампанское и глотнула из гор-лышка. Вино полилось по щекам, шее, намочило платье, грудь. Она разделась и опять при-ложила к бутылке. Пока не осушила до дна – не остановилась. Пузырьки лопались в ушах и животе, щекотали под ложечкой. Захотелось закружиться, взлететь, упасть, расхохотаться и заплакать одновременно.

Зеркало с протокольной беспристрастностью отразило немолодую, полуобнаженную женщину без следов былой красоты.

Тяжелые груди мешали, раскачиваясь в такт пьяной синкопе, но Зое захотелось свободы. Пошатываясь, подошла к столу, на котором лежал некрасивый пакет. Но снова отвлеклась – по телевизору хороводила Бабкина, подмигивая и притоптывая. Зоя поймала ритм и, завывая, пустилась в пляс. Она шлепала себя по мясистым бедрам, трясла плечами, приседала. Широко загребая руками, чуть не опрокинула вазу. Наконец, Бабкину сменил струнный квартет, и Зоя упала на диван. Укутавшись в плед, она никак не могла вспомнить, что же такое важное собиралась сделать. Светло живот, она с трудом поднялась. По дороге в туалет взгляд упал на кухонный стол. Как же она могла забыть?!

Посылка была от бывшей соседки Тамары. Та уже два года как вернулась в Россию и называла себя декабристкой. Поехала в Сибирь за мужем, чтобы предотвратить утечку из нефтяной скважины. Он присосался там намертво, а Тамара опасалась появления возле него какой-нибудь длинноногой «скважинки», которая сама превратится в насос. Мужа нельзя было оставлять без присмотра, и она сменила север Америки на север России.

Зоя частенько вспоминала золотые времена посиделок на Тамариной кухне. Гадала Тамара на кофейной гуще просто фантастически. Все видела. Если бы она не уехала, то Зоя хотя бы заранее знала, чего ожидать, а так все случилось как гром среди ясного неба.

В посылке, кроме футляра с ржавыми ножницами, было короткое письмо и пара фотографий пополневшей подруги в роскошной шубе. Она стояла у дома, размером и видом напоминавшего районный Дворец культуры.

В письме Тамара путано объясняла, почему она решила отослать эти странные ножницы подруге: их нашли при раскопках какого-то кургана, и главное их достоинство состояло в том, что они никогда не тупились. Советовала быть с ними поосторожнее. В общем, такой профессионал, как Зоя, во всем разберется сама.

Зоя никак не могла понять суть объяснений и, отложив письмо, взяла в руки странный подарок.

– Господи, да как же такими можно работать? – Она с трудом продела пальцы в узкие фигурные колечки. – Не тупятся, говоришь, так куда же больше... Ржавчина везде, тяжелые. Не ножницы, а кусачки.

Зоя подхватила бечевку, которой была перевязана посылка, и, держа на весу, поднесла ножницы. Они, взмахнув лезвиями-крылышками, мгновенно рассекли ее пополам. Это произошло молниеносно, а в руке осталось приятное ощущение тепла и легкости. Зое даже показалось, что они слегка вибрировали, а в голове шипело, как от шампанского:

– Еще, еще! Режь, режь!

Оглянувшись, что бы еще разрезать, она стала кромсать бумагу от посылки. Ножницы входили в нее, как в масло горячий нож, срезы были ровные, без загибов и зазубринок, а рука все яснее ощущала теплую волну. В какой-то момент Зое стало страшно, она хотела остановиться, но они ее не слушались. Глаза расширились от ужаса: под ее рукой, которой она уже не владела, из бесформенной бумаги возник трафарет головы Тамары, и в это же время вся ее жизнь оказалась у нее как на ладони: что было, есть, будет. Страх господний! Она ясно увидела, как за Тamarкиным мужем идет охота. Вон бандиты в черных куртках рассыпались по снегу, как тараканы. Что-то в машину подложили, бомбу, что ли? Один толстый в длинном пальто руководит, перчаткой машет, на «Ролекс» свой поглядывает...

Зоя вдруг ясно услышала: «Отрежь!» Она щелкнула в воздухе ножницами и увидела, как тот, в пальто, завалился набок, схватился за сердце, а бандитская стая к нему кинулась... И все, дальше темно. Ножницы заledenели, и она, как гадкого паука, сбросила их с руки.

Зуб на зуб не попадал. Зою трясло, она оделась, даже куртку с капюшоном накинула. Просидела в оцепенении довольно долго, не отрывая глаз от страшного подарка. Уже слышно было, как в телевизоре затих новогодний попсытник и началось кино. Наконец, решившись, она пальчиком притянула их к себе. В голову пришла трезвая мысль – ножницы как ножницы, а все это привиделось после шампанского. Конечно! На голодный желудок...

Зоя смело продела пальцы в колечки и подошла к зеркалу. Ей давно хотелось сотворить со своей головой что-то невообразимо новое, неожиданное. Она оттянула челку и легко отхватила край. Никакой реакции. Резали ножницы легко, она умело придавала волосам форму модной стрижки. С каждым движением настроение поднималось, ей все больше и больше нравился результат. Умывшись, глянула в зеркало. И как-то опять стало не по себе: на нее смотрела женщина лет на двадцать моложе. Куда делись мешки под глазами, опущенные уголки губ, отвисшие щеки?! Такой Зоя помнила себя в дни знакомства с Алексеем. Она улыбнулась, прижала ножницы к груди и, задрав голову к потолку, прошептала: «Спасибо, Тамарочка. И тебе, Господи, спасибо».

Накрутившись у зеркала, поняла, что спать совершенно не хочется, а хочется продолжить волшебные эксперименты. Она в задумчивости оглядела квартиру.

– Ведь они не только раскрывают судьбу – они ее меняют!

«Раз – и отрезал, – крутилось в голове у Зои. – Я ведь теперь все смогу. Раз – и Лешка вернется, два – Леська прискачет».

Она вошла в спальню. В шкафу стоял чемодан со старыми вещами мужа и дочери. Давно уже собиралась его выбросить, да руки не поднималась. Хуже – она, как токсикоман, раскладывала вещи на кровати и вынюхивала из швов линялых маек и рубаш запах родных тел, доводя тем самым себя до полного иступления.

Выудив из вороха уже почти ничем не пахнувшего тряпья Лесину блузку и Лешкино белье, она вернулась на кухню.

Ножницы вонзились в область ширинки. Сразу руке стало не просто тепло – горячо. Зоя увидела Лешу, сидящего под елкой рядом с новой женой. Он целовал ее запрокинутое скуластое лицо, тонкую шею, плечи. Он был возбужден и счастлив. Дальше, как в кино, понеслись кадры их семейной идиллии: рождение детей, покупка дома, повышение по службе, переезд в Европу... Все хорошо, даже очень... А в голове так пакостно кто-то подзуживал: «Отрежь!» Зоя расплакалась и отодвинула искромсанную ткань.

Никогда она не видела мужа таким счастливым и красивым. Двадцать лет обоюдной тоски. Дочь, конечно, права – ничего-то Зоя в любви не смыслит. Лешка был ее первым и единственным мужчиной. Жил по инерции, он Лесеньку жалел, бросить не мог, ждал, когда повзрослеет. А с этой женщиной ему хорошо, она же видит. Заодно насмотрелась на то, чего все эти годы не знала. Нет, не нужен он ей такой. Отрежь не отрежь – не в новой жене дело. Дело в нелюбви.

Леськина блузка была совсем выношенной, с плохо отстиранными пятнами кетчупа и оторванным воротничком. Зоя осторожно надрезала краешек блузки и отпрянула, увидав заплаканное лицо дочери. Беременная Линор стояла на кухне перед горой грязной посуды и утирала слезы. Ее возлюбленный лежал на диване, запрокинув голову. Дочь что-то крикнула ему, он не отреагировал. Она швырнула в него тарелкой и схватила телефон. Когда в Зоиной квартире раздался звонок, она уже знала, кто звонит. Спокойно выслушав стоны и рыдания дочери, жалобы на то, что она больше так не может, что ненавидит его и себя, саму жизнь, Зоя скомандовала:

– Собирай вещи и бегом в аэропорт. Что он кричит? Угрожает? Что значит не пустит... Пусть попробует! Убьет, говорит? Скотина! А мы его сейчас отрежем! В каком смысле? А в прямом! Жалеть не будешь? Точно? Ах, еще и наркоман! Что же ты молчала, господи! Не клади трубку!

Зоя подхватила Леськину блузку и быстро заработала ножницами. Она увидела, как в калифорнийской квартире, пошатываясь, встает с дивана парень, как хватает за гриф гитару и приближается к ее дочке, замахивается... Чик, чик, чик... Замелькали ножницы...

И вот он теряет равновесие, падает затылком в угол и там затихает. Леся кричит в трубку:

- Мамочка, он не шевелится!
- Он что, не дышит? – замирает Зоя. – Проверь.
- А вдруг очнется, он же уколотый!
- Ладно, давай бегом на такси и в аэропорт. Деньги есть? Записывай номер «Визы»...

Зоя перевела дыхание, только когда узнала, что дочь вылетает ближайшим рейсом. Она собрала обрезки блузки, предварительно сделав еще парочку надрезов, проливших свет на ближайшее будущее ее дружка – смерть от передозировки. А у Зои скоро появится внучка, абсолютно здоровенькая и очень хорошенькая. Зоя спрятала в коробочку ножницы и засобиралась в аэропорт встречать своих девчонок.

На этом можно было бы и закончить новогоднюю сказку с почти счастливым концом, ведь он мог быть гораздо хуже...

Но вскоре по городу поползли слухи. Все только и говорили о таинственном парикмахере, который владеет секретом омоложения. Еще говорили, что стрижка избавляет от лишних килограммов, лечит депрессию, алкоголизм и наркоманию. Женщины становятся неотразимыми, а мужчины сильными. К Зое выстраивалась очередь на год вперед. Она открыла свой салон «Два кольца, два конца». Стригла сама, а вокруг вились помощники. Зоя разбогатела и похорошела. У нее не было отбоя в поклонниках, многие звали замуж, но она не спешила. Ждала настоящую любовь.

Как-то вдруг из Сибири приехали по делам Тамара с мужем. Тамара взалхлеб рассказывала Зое удивительную историю. Партнер мужа попытался организовать покушение, и если бы не инсульт, разбивший злодея прямо во время подготовки, то все – мужу была бы крышка.

- А нашли его на снегу в длинном пальто с зажатой в руке перчаткой, – закончила Зоя.
- А ты откуда знаешь? – выкатила глаза Тамара.
- Так ножницы те, что ты прислала...
- А причем тут ножницы?
- Ты что, не знаешь? Сама же писала – поосторожнее...
- Ну острые были, вот и писала. А что с ними такое?
- Тамарочка, ты мне новую жизнь подарила, а я тебе жизнь твоего мужа спасла. Волшебные они...

– Так, мать, я ими год резала – и никакого волшебства, только что не тупятся. Железка, видимо, особенная...

Зоя задумалась и не стала спорить. Возможно, Тамара не хотела признаваться, что отошла их от греха подальше. А может, действительно, только в руках профессионала происходит чудо.

Как бы там ни было, Зоя знала, что самые банальные истины – самые сложные.

Все знают, что семь раз отмерь, – а режут вслепую. Мелькают острые лезвия, никого, ничего не жалея. Отрежешь – не склеишь, а если и да – швы останутся. Так и ходим с рубцами на душах. Одна надежда на новогоднюю ночь. Чудеса еще иногда случаются.

Диван

Наконец кончилась зима. Это произошло примерно в мае. И тут же без перехода, всяких там оттепелей и капелей шарахнуло жарой. Деревья трещали от лопавшихся почек, покрываясь буйной зеленью, трава прокалывала еще не до конца стаявший снег, а люди всех возрастов сбрасывали шерсть и мех, подставляя голые животы и коленки яркому солнцу. Все это напоминало съемку в режиме time lapse. Здорово это на экране получается – за пару минут солнце описывает дугу с востока на запад, день сменяет ночь. Цветок распускается и увядает. Листики, шевелясь, вылупляются, растут, как вдруг скукоживаются, желтеют и вот уже полетели. А тут и дождь полил, но на глазах загустел и уже крошится снежной пылью, метет, воет. Как вдруг опять солнце, и все полилось, размякло, растопило...

Зима – лето. Восход – закат. Тик-так, клик-клак. Стоп. Все, приехали. Конец фильма.

Алексей Маркин – опытный кинооператор, знал, как делаются подобные фокусы в кино. Еще он знал, как красиво выстроить кадр, куда посветить, где шторку поставить, а куда отражатель. Его глаз всегда умудрялся найти точку и угол, откуда все может выглядеть иначе – не буднично-скучно, а с эдакой изюминкой, чуть-чуть интереснее, внезапнее. Особенно ему удавались кадры, снятые одним планом, широко, долго, с рассмотренными по ходу деталями. Умел он мазнуть глазом, вроде мимоходом, а потом повернуться и пристально взглянуться в муху, сверкнувшую изумрудом на солнце, в пятно плесени на стене, похожее на карту мира. А его знаменитые «белые на белом» голуби на окне, за которым заснеженный город, стали просто хрестоматийными. В живописи, например, такого художника, как Алеша, называли бы анималистом. С пейзажами и натюрмортами у него тоже было все в порядке, а вот с портретами – беда, особенно женскими. Однажды его пригласили на съемки художественного фильма, но уже по первому отснятому материалу картины о трагической и безответной любви возникли претензии режиссера, недовольного тем, как выглядит на экране его молодая любовница. Актриса она была никакая, но мордашка, фигурка – все как надо, а Маркин умудрился испортить. Невесть откуда в лице героини, по сюжету – ангельской кротости и доброты, проступил волчий оскал, остекленевшие глаза ничего не выражали, а ноги косолапили.

Алексея вежливо попросили, и он ушел с картины. Потом опять попытался на телевидении в сериале поработать. Та же история, только хуже. Знаменитая, именитая, недавно после новой пластической операции звезда чуть ли не в суд грозилась подать на телеканал, если оставят крупные планы, снятые Маркиным. Сам Алексей не понимал, как такое происходит. И в мыслях у него не было обидеть актрис, хотел их живыми сделать, передать индивидуальность, приоткрыть душу. А в итоге – уроды. Нет, видимо, не дорос он до живой, тонкой, бесконечно меняющейся женской натуры. Надо искать, думать, работать.

В жизни тоже кое-какая проблема имелаась с натурой этой неуловимой.

Женщины проходили мимо, пробегали, не повернув головы. Только если навстречу выбежать, поймать, остановить и попросить выслушать... Но удавалось это редко. Своего отражения он не помнил и потому часто не узнавал коренастого, плохо выбритого парня в растянутом свитере и дырявых джинсах, насупленно глядящего на него с зеркальных поверхностей витрин, лакированных боков автомобилей и мельхиора хорошо начищенных чайников.

«Конечно, не красавец, – думал Алеша, – но бывает и хуже. Не старый, не толстый, не лысый, как Аракелян – продюсер наш хренов. А девицы возле него какие, с ума сойти можно. И чем он их заманивает? Деньги, конечно, красят, но он же скупой как черт. Говорят, что у женщин чутье на суперсамцов, может, Аракелян секс-гигант? Да нет, в прошлом году

он в киноэкспедиции на Алтае устроил скандал в аптеке, что виагра была несвежая. Так за что же его женщины любят? Ладно, любят и любят... А вот за что меня не любят?»

Алексею Маркину перевалило далеко за тридцать, но семьей он пока не обзавелся. Оно и лучше при его профессии. Он вроде геолога из советской мифологии – мотался по стране, забывая родной дом ради золотой жилы сюжета для документального кино. А дом его теперь пуст. После смерти мамы он сдает одну комнату в квартире на Крещатике, а другую отпирает на время своего возвращения. Комната его напоминает склад ненужных вещей, из которых половина не его, а маминих. Рука не поднялась выбросить. Он и диван ее любимый перетащил к себе. На нем он в детстве раскладывал игрушки, в юности валялся, сгрызая тонны яблок и зачитываясь фантастикой, а однажды чуть не разломал со своей семнадцатилетней подружкой в процессе совместного прочтения Камасутры. Пришлось срочно чинить, забивая гвозди куда попало, а потом по ночам прислушиваться, не рассыпался ли под мамой проломленный диван. Но диван выстоял мамину болезнь, смерть и до сих пор стоит. Но скоро они расстанутся, потому что Алексей Маркин переезжает на постоянное место жительства в другую страну. Почему? А почему нет? Это как при жизни заново родиться. Интересно. Хорошо заговорить на другом языке, есть другую еду, дышать другим воздухом. И потом, кто теперь говорит про постоянное место жительства? Оно постоянное для тех, кто боится, как говорят, начинать с нуля, то есть себя самого называет пустым местом. Алексей же считал самым увлекательным делом – процесс выживания в экстремальной ситуации. Еще в школе он до дыр зачитал «Робинзона» и перечитывал его до сих пор. Правда, страна, в которую он собирался, была совсем не похожа на необитаемый остров, хотя бы потому, что в ней жил его престарелый папаша, о существовании которого Алеша даже не подозревал. Только перед смертью мама открыла страшную тайну Лешкиного происхождения. Его отцом был вовсе не геолог-полярник, замерзший в снегах, а канадский гражданин украинского происхождения. Встретила она его в Киеве на конференции переводчиков. Мама переводила канадских поэтов на украинский, а он наоборот – украинских на английский. Он был женат, она не первой молодости. Влюбилась страшно. Сказала, что это были десять дней, которые потрясли ее мир. В результате этого потрясения родился Алеша, а мистер Иван Щегол до сих пор не имеет понятия, что в Киеве живет его сын тридцати семи лет от роду. Еще мама добавила, что Алеша теперь одно лицо с отцом, и рассказала о письмах, которые писала Ивану всю жизнь. Естественно, что они никогда не были отправлены по многим причинам, одна из которых – отсутствие сведений об адресате. Она даже не пыталась их раздобыть, зачем, но теперь думает, что была не права. Иван через их институт несколько раз пытался ее разыскать, но она не отзывалась. Глупость, конечно, но времена были такие, и потом он ведь женат. Нет, не имела права.

– Лешенька, – погладила она слабенькой рукой сына, – как умру, найди его, передай мои письма.

Обещание, данное маме, мучило его, не давало покоя, но все запросы через посольства, подключение наших людей за рубежом, не дали результатов. Скорее всего, что по-английски имя и фамилия канадского папы звучали как-то абсолютно иначе. Например – Иван, наверняка, мог быть Джоном, а Щегол, каким-нибудь Stchegolom. Поиски почти зашли в тупик, как неожиданно выяснилось, что Украина и Канада что-то там подписали и ценных украинских специалистов Канада принимает с распростертыми объятиями. Как говорится, «Шановно просимо, панове!». Алексей Маркин решил проверить, насколько он ценный специалист, и оказалось, что еще какой! Канада остро нуждалась в кинематографистах, наверное, ей хотелось создать свой Голливуд. Алексей готов был этому способствовать за соответствующую плату.

Та долгая зима, внезапно перескочившая в лето, о которой шла речь в начале рассказа, была первой зимой Алеши в чужой стране. Настолько чужой, что он часто вспоминал где-то услышанную или прочитанную байку про первое впечатление Бродского от Нью-Йорка. Когда Бродский посмотрел в окно, то не смог найти рифму. Может, это и вранье, но Алеша мог подписаться под этим на все сто. Он тоже смотрел в окно и ничего не видел, кроме просторного и скучного жизненного пространства. Он замечал его удобство, чистоту, но абсолютно не ощущал одушевленности людей и предметов.

– Ничего, пройдет, – успокаивал себя, – Иосиф тоже потом Нью-Йорк на всю жизнь полюбил, даже с Питером и Венецией сравнивал, значит и я «догоню» рифму эту. Торонто —...Моронто, Доронто, может быть, – Курортно? Ничего себе курортник!

Снега по яйца намело, раскапываться надоело. Никому ты тут на фиг не нужен со своим документальным кино, и операторов своих как собак нерезаных. В подвале жить приходится, потому как дешевле, деньги экономишь, а они рекой утекают. Ничего, прорвемся. Один мужичок предлагал протекцию на должность развозчика пиццы, а там и квартиру снимем попроще. А главное, уже кое-какой план имеется по поиску затерянного папаши. Мама, не горюй! Получит он твои письма чудные. Какая ты у меня была удивительная женщина! Встретить бы такую. Как же! Теперь тем более ку-ку... Живешь в логове феминизма. У них даже в столице монумент стоит «Женщина – это человек». А кто спорит? Даже можно добавить из нашей плакатной классики: «Человек – это звучит гордо». Я даже согласен объединить эти два лозунга: «Женщина – это звучит гордо» потому, что она тоже человек. О, если бы меня услышали местные дамы! Растерзали бы. «Что значит – ТОЖЕ человек!» А я бы им ответил: «Подруги, успокойтесь! «Женщина-человек», как и «мужчина-человек», – это вымирающий вид, достойный внесения в Красную книгу. Если они вымрут, останутся только особи, отличные друг от друга половыми признаками».

Так, в легкой эмигрантской депрессии Алексей Маркин пережил долгую канадскую зиму и, получив работу развозчика пиццы, перебрался в квартиру на пятом этаже многоэтажного дома, считавшегося «русским». Район тоже считался русским, но точно так же своим его считали китайцы, корейцы и, конечно, евреи. Евреи тут в основном тоже считались русскими.

Дом стоял на улице Голдфинч, что означало в переводе с английского птицу щегла и еще – золотую монетку, но, как бы там ни было, Алексей посчитал это очень хорошим знаком и снял квартиру, явно переплатив. Чуть севернее можно было поселиться значительно дешевле.

В день переезда он увидел диван, стоящий кособоко возле контейнеров с мусором. Он остановился, чтобы рассмотреть получше. В этой стране на помойку очень часто выбрасывали совсем неплохие вещи, а при условии строжайшей экономии, которую он для себя установил до возвращения в киноиндустрию, находка дивана могла сэкономить пару сотен долларов. Диван сильно пахивал котами, кое-где был расцарапан до набивки, но имел одно громадное преимущество: он раскладывался по европейскому образцу. Откинул спинку – и вот тебе двуспальное ложе. Местные собраты раскладывались гораздо мудренее. Алеша потянул и нажал. Что-то в диванных внутренностях кликнуло, но спинка осталась стоять колом.

– Э, да ты калека. Потому тебя и на помойку спровадили. Нет, такой сломанный и вонючий ты мне не нужен.

Алеша уже отошел, как вдруг опять вернулся. Он сел, попрыгал на пружинах, они отлично амортизировали. Потом лег. Даже не разложенный диван был удобен и достаточно широк. Самое удивительное, что, несмотря на, вероятно, почтенный возраст, его поверхность была абсолютно гладкой, без характерного кратера посередине, продавленного чьей-то

попой. Это свидетельствовало об отличном качестве пружин или о том, что на нем, кроме кошек, никто подолгу не сидел.

Рассуждая, стоит или не стоит тащить старый диван в новую квартиру, Алеша даже не заметил, как сзади подошли двое и на русском языке стали переговариваться:

– Нет, Эллочка, не пойдет. Подумаешь: «Как дома раскладывается»... Ну почему тут тоже все должно быть как дома? Мы в другой стране, мире, а ты все хочешь, как там.

– Вадик, миленький, ну посмотри, он так похож на мамин! И обивка, и форма.

– Тем более! Слава богу, твоя мама осталась там, где ее диван. И потом, вот человек стоит, он первый пришел, может, он его забирает. Эксьюз ми...

Алеша повернулся к супружеской паре:

– Нет, это вы извините. Я его беру. Он мне очень даже нравится.

Прошел день или два после переезда. В углу комнаты еще стояли нераспакованные коробки и чемоданы, но Алеша упорно старался понять, что мешает дивану раскладываться. С механикой было все в порядке, ничего не сломано, пружинки и крючочки на месте. Ржавчину он удалил, добавил смазку, но спинка так и не откидывалась. Похоже, что прежние хозяева даже не пытались устранить поломку. Это было очевидно по мусору, который Алеша выскреб из ложбинки между двух сомкнутых половинок. На таком не поспишь. Его палец извлек несколько шариковых ручек, вязальный крючок, клоки кошачьей шерсти, прилипшие к размякшей конфете. Но самой удивительной находкой были пять копеек 1972 года с гербом и надписью «СССР».

– Вот это да! Значит, у наших людей стоял.

Леша перевернул его на попа и увидел надпись, которая не оставляла сомнений в том, что диван эмигрировал вместе с хозяевами... На деревянном днище после серийного номера стоял товарный знак с плохо различимым названием города, то ли Киров, то ли Киев.

– Надо же, может, ты еще и земляк! Сколько ж тебе годков? И чего это они тебя оттуда потащили?

Хотя понятно, – не переставая что-то прикручивать и откручивать, отвечал самому себе Леша. – Кто же тогда с добром расставался? Волокли мебель, сервизы, казаны и подушки, даже лампочки, а потом выбрасывали, потому как напряжение, да и вообще все другое. Это сейчас про жизнь заграничную всем все известно, никаких иллюзий, один прагматизм, а тогда: «Эх, ох! Америка!»

Диван по-прежнему не раскладывался. Алексей устал и завалился спать на одну половинку.

Утром Леша проснулся полный сил и энергии. Запах котов почти улетучился. Уходя, он вроде как попрощался с диваном и пообещал вечером продолжить ремонт, а когда вернулся, ремонтировать уже было незачем. Две створки его теперь находились на одном уровне, образовывая довольно широкое лежбище, которое во времена его молодости называли «сексодром».

– Здорово, а как это? Сам, что ли? Наверное, смазочка подействовала. Ух!

И Леша с разбегу плюхнулся животом на упругие пружины. Диван теперь легко складывался и раскладывался. Леша расстелил широкую постель, вынув из чемодана новенький набор простыней и наволочек.

В эту ночь ему снились неразборчиво-приятные сны, какой-то лужок, ручеек и собачка рыженькая, маленькая такая, на лисичку похожа, шустрая, все бежит туда-сюда.

«Собаки – это вроде к друзьям, – подумал Алеша, хлебая за завтраком йогурт, – а что к деньгам снится? Говно вроде, не к столу будет сказано».

– Слышишь, друг, – он повернулся к дивану, – ты мне к деньгам, того самого, и побольше.

На следующую ночь ему опять приснилась рыженькая собачка. Она жалобно скулила, виляла хвостиком, а из-под хвостика выпрыгивали кучи, размером с коровьи лепешки. Лужок был почти весь загажен.

Леша проснулся среди ночи от страшной вони. В его туалете что-то клокотало, бурлило. Он открыл дверь и увидел, как по стенкам унитаза стекает на пол темно-коричневая жижа. Казалось, что чашу с фекалиями держат на огне, а она урчит и хлюпает, доходя до кипения. Надеяться на чью-то помощь в это время суток было безумием. Пришлось самому барахтаться в дерьме, тыча скрученной железкой в зловонное нутро унитаза. Наконец, прощально булькнув, пошел процесс всасывания, и вскоре от всего остался только гадкий запах и паскудное настроение. Остаток ночи Леша провел в душе, а утром, даже не позавтракав и не застелив постель, убежал на работу. Весь день его клонило в сон, и он еле дожид до вечера. Когда, вернувшись домой, подошел к лифту, увидел объявление о пропаже собачки. На фотографии был точь-в-точь тот же пес, что снился накануне. Объявление было написано по-русски и по-английски, а в конце обещано щедрое вознаграждение. Он зашел в лифт, поднялся до своего этажа, но, передумав, поехал вниз. Он вдруг понял, что знает точно, где надо искать собачку. За домом был парк, в парке ручеек, за ручейком полянка или лужок. Там по выходным народ собирается, сосиски жарит. Возле ручья много расщелин и коряг всяких. Может, куда провалилась или застряла среди валежника.

Алексей пошел в парк. Искать пришлось долго, но он точно помнил, что во сне собака бегала вокруг большой елки. Там он ее и нашел. Провалившись в яму между корней, песик поскуливал, теряя последние силы без еды и воды. Алеша освободил собаку и отнес на девятый этаж их дома, там она жила до своего исчезновения в шумной семье цирковых артистов. Еще в квартире, кроме папы-канатоходца, мамы-гимнастки и сына-клоуна, жил толстый кот и попугай. Радости не было границ. Алексея кормили, поили и вручили конверт. Он слабо отнекивался, но хозяин грозно предупредил, что обидится, и Леша подчинился. Его проводжали всей семьей к лифту и твердили, что всегда рады и готовы помочь, если что.

Уставший и немного захмелевший, он еле дошел до дивана. Заснул без задних ног. На этот раз ничего не снилось, а если и снилось – не вспомнил бы.

В конверте оказалось две сотни. Леша улыбнулся, восстанавливая ход событий.

– Надо же, собачка точно такая же приснилась, и елка, и даже какашки ее – к деньгам. Ну, прямо вещий сон!

Он посмотрел на расстеленный диван и усмехнулся:

– Это как же понимать? Может, ты совсем не простой диванище, а Вещун? Ладно, больно ты много места, братец, занимаешь. Надо бы тебя собрать. Мне пока двуспальный вариант ни к чему, а когда понадобится, тогда и распахнем на всю ширину.

Алеша сложил диван и завалился на него перед телевизором. Сегодня можно было никуда не спешить. Это был его законный выходной. Но расслабиться не удалось.

В дверь постучали. Он нехотя поплелся к двери и, открыв, растерялся. На пороге стояла хозяйка рыжей собачки. На ее стройное гимнастическое тело было наброшено легкое кимоно, не скрывающее длинных ног и упругой груди. Она томно посмотрела на Алексея и попросила разрешения войти. Алексей посторонился, пропуская в комнату грациозно виляющую бедрами женщину. Она объясняла свое неожиданное появление тем, что только что испекла пироги и решила принести. Ведь мы так благодарны, так благодарны! Так хочется сделать ему что-то приятное. Гимнастка села на диван, изящно откинувшись на спинку, и в тот же момент ее ноги взлетели к потолку. Диван резко принял горизонтальное положение, продемонстрировав обалдевшему Леше прозрачные трусики на мускулистых ягодицах соседки.

Леша бросился к ней со словами: «Вы не ушиблись?» Но беспокоиться было не от чего. Циркачка продемонстрировала ловкость и быстроту реакции, а потом целый час удивляла Лешу выносливостью, гибкостью и хорошим чувством ритма.

После, еле отдышавшись, Леша искоса поглядывал на лежавшую рядом взмыленную партнершу.

«Ничего себе, – думал он, – давно такого не припомню. А чего это она вдруг завелась? Неужели из-за собачки? А может, с мужем поссорилась? А муж у нее, кстати, опасный тип – горячий кавказский мужчина. Зарежет, глазом не моргнет. Вот влип! Надо бы как-то наметнуть, что, мол, пора ей домой. Вот если бы муж уехал куда-нибудь далеко и надолго...»

Алеша ерзал, складывая в мозгу вежливую фразу-напоминание, что, мол, не заждались ли ее семья, как Эльвира (наконец он вспомнил ее имя), заговорщицки подмигнув, сообщила, что завтра муж улетает в Тбилиси, а потом в Москву и раньше чем через полгода не вернется. Алексей почти не удивился.

Когда за Эльвирой захлопнулась дверь, Алексей подозрительно осмотрел диван. Раскладывался и складывался тот абсолютно нормально, но не покидало ощущение, что иногда он делает это самопроизвольно, причем словно читая Алешины мысли. Он еще раз попытался проанализировать события последних двух дней.

– Приснилась собака, скорее всего, не случайно. Объявление висело у лифта три дня, значит, когда я переезжал, то просто не обратил внимания, но глаз запомнил и спроецировал в подсознание. Вот она и приснилась. Хорошо – а почему в парке, у елки? Откуда я мог знать? Дальше – шутил по поводу говнеца, которое к деньгам снится, так на тебе... Всю ночь выгребал. А секс? Ведь только сказал – разложу постель, когда понадобится, так сразу и... Что за чертовщина! И про мужа ее, стоило подумать... Чепуха! Обычная мебель – диван как диван. Может, уже головой еду от эмигрантской жизни, будь она неладна!

Он прилег, закрыл глаза, и мрачные мысли, вроде ядовитых змей, обвились вокруг души. Они шипели и жалили, отравляя ностальгической тоской. Алеша, как живьем, увидел крымское побережье, Коктебель, молодую маму и себя, маленького мальчика, бегущего с фотоаппаратом за разлетающимися от него сварливыми чайками. Всегда он хотел только одного – остановить мгновение бесконечно меняющегося мира. Удержать то, что уже никогда не повторится. Не будет точно такого же рассвета и заката, той же игры света в воде, той же птицы на ветке. И людей уже тех же не будет. Все неповторимо, но можно прокрутить пленку...

– Раскисать не надо, – сказал самому себе, – можно поехать на озеро, взять камеру и самому снимать, для себя, чтобы глаз работал. Неужели опять пролет по всем предложениям и объявлениям?! Им же нужны были квалифицированные специалисты! Ну вот он я, замечательный кинооператор, с кучей призов и заслуг. Берите. Хоть фильмы мои посмотрите, ленивые бюрократы!

Алексей заснул с мокрыми глазами. Сквозь сон он слышал, как звонит телефон, но просыпаться не хотелось, иначе, максимально приближая трансфлюкатором притаившегося в кустах тигра, он упустит момент броска, молниеносного нападения на жертву, и потеряет роскошный кадр.

Уже был глубокий вечер, когда Алексей продрал глаза. Сначала ему показалось, что за окном раннее утро, но часы свидетельствовали обратное. На автоответчике было сообщение. Алеша нажал кнопку и от услышанного текста опустился на пол. Ему звонили из офиса крупного телевизионного канала Discovery, его любимого, на котором шли круглосуточно фильмы о природе, и предлагали интервью на вакантную позицию кинооператора в сериале «Сафари». Он вскочил, забежал вокруг стола, немножко пошлепал себя по щекам, опять прослушал сообщение. Взял карандаш, бумагу, записал телефон, имя. Понял, что теперь пиццу

будет развозить кто-то другой и что его прекрасное Завтра началось уже сегодня. И тут от этой мысли про завтра, которое начинается сегодня, голова его развернулась к дивану.

– Понедельник начинается в субботу – так, что ли? Ты что же, тот самый?

Так, не надо путать – тот транслятором был, преображал обычную реальность в сказочную – русалки там, коты говорящие. А ты что делаешь, не врубаюсь. Желания исполняешь? Да нет. Засорения канализации я не просил, и не больно нужна была эта аэробика постельная. Ты чего вытворяешь? Стоп, что-то крыша совсем съехала. Глупости. Ряд совпадений. При чем тут диван – мебель как мебель. Знаем, где все чудеса происходят, – в голове больной. А жаль, неплохая была бы история. Лег, приснилось, что мультон выиграл – утром получите и распишитесь.

Но больше ничего волшебного не происходило. Собранный диван тихонько стоял в углу. Снилось на нем обычная невнятная чепуха, зато в реальной жизни все было удивительно здорово.

Интервью с руководством телеканала прошло замечательно. Один из сотрудников, правда, был шибко любознательный, вероятно, потому, что его бабушка и дедушка когда-то, лет сто назад, приехали в Канаду из Одессы. Он долго объяснял Леше, что Одесса – это где-то недалеко от Киева, может, знает город такой? Леша возбудился: да кто ж не знает! Тогда этот потомок обрадовался и сказал, что его любимый писатель Айзек Бобель тоже из Одессы. Нравится ли он Алексу? Алеша оторопел, он знал Айзека Азимова, но Бобеля – не имеет понятия. Любознательный загрузил. Ну как же, он – мировая знаменитость! Вы не любите литературу? Алеша pokrылся испариной. Нет, очень любит. А этот Айзек что писал? И только когда в потоке английских слов он уловил знакомое сочетание Бенья Крик, понял, о ком идет речь. Господи, Исаак Бабель, родной и любимый! Как все же странно они произносят наши имена и фамилии! Вот с отцом, наверное, та же петрушка. Пойди, выуди из моря фонетических несовпадений Ивана Щегла, зашибеешься....

Несмотря ни на что, Алекс Маркин произвел хорошее впечатление, а о фильмах и говорить нечего. Через неделю он уже работал в съемочной группе канала Discovery.

После первого дня работы он возвращался домой, проезжая мимо знакомых улочек. Закатное солнце стекало апельсиновым соком на кирпичные стены домов, поджигало листву и вспыхивало огнем в окнах высоток. Он раньше не замечал, какой красивый город пролетает за окном автомобиля и сколько в нем улыбающихся людей. Он купил большой букет цветов, торт и шампанское. Решил так – если муж Эльвиры не уехал, то ничего страшного – вместе посидим, отметим. А если его нет, то тогда тоже посидим и отметим, но уже у меня.

Эльвира обрадовалась сразу двум обстоятельствам: тому, что Алеша зашел, но больше тому, что они сейчас уйдут. Муж уже дней пять как уехал, а сынишка, ясное дело, спит и видит, чтобы мамка пореже дома сидела.

Когда, наконец, после шампанского и Эльвиркиного коньяка они разложили диван, в голове у Алеши набирала обороты хмельная карусель. Почему-то слышался цокот копыт, ржание лошадей и мотив «цыганочки». Ему казалось, что он лихо отплясывает вприсядку, выделывая диковинные коленца, а потом взлетает в седло и с гиканьем уносится в степь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.